

Б. Гуртуев

СВЕТЛЫЕ ДАЛИ

СТИХИ И ПОЭМЫ

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАЛЬЧИК 1960

Переводы с балкарского
Семена Виленского
и *Якова Серпина*

ОБ АВТОРЕ

Берт Гуртуев — один из основателей балкарской советской литературы. Впервые его произведения печатались в 1928 году и стали хорошо известны во всей Балкарии. Песни на слова Берта Гуртуева пользовались особенной популярностью и любовью.

В предисловии к сборнику стихов кабардинских и балкарских поэтов (Москва, Гослитиздат, 1935) о молодом поэте Гуртуеве говорилось:

«Он весьма лиричен и не без успеха пытается создавать поэтические обобщения. Основной тон его поэзии — радость комсомольца, участвующего в строительстве социализма... Его стихи и песни весьма популярны в Балкарии».

Берт Измаилович Гуртуев родился в 1910 году, в селении Белая Речка Кабардино-Балкарской АССР, в семье крестьянина-бедняка. Оставшись «круглым сиротой, будущий поэт испытал на себе тяжелую долю подростка-батрака. [Окончив в 1931 году педагогический техникум, работал в школе и в органах народного просвещения.

Уже будучи профессиональным поэтом, Гуртуев принимал самое деятельное участие в сплочении литературных сил республики

Им был составлен и отредактирован первый балкарский поэтический сборник «На пути новой жизни» (1931).

Берт Гуртуев — член Союза писателей с 1934 года, участник Первого съезда Советских писателей, который проходил под руко-

водством М. Горького. В 1934 году Берт Гуртуев опубликовал свою первую книгу песен и стихов «Красные голоса».

Многие из этих песен широко известны в народе («Песня о Кирове», «Балкарская колхозная» и др.). В одном из литературных сборников опубликована его повесть «Бекир».

Наряду с поэтической деятельностью, Берт Гуртуев много внимания уделяет исследованиям в области балкарского языка и созданию учебников по литературе для балкарских школ. Немало сил и энергии он отдает переводческой деятельности. В его переводе изданы на балкарском языке некоторые произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и других классиков русской литературы.

Берт Гуртуев — член КПСС, участник Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.; за заслуги перед Родиной он награжден орденом «Знак Почета» и медалями.

В 1958 году вышла на балкарском языке книга Б. Гуртуева «Ясное утро», которая тепло встречена читателями.

Перелистывая страницы книги «Светлые дали», сравнивая новые стихи с первыми произведениями Гуртуева, включенными в сборник, чувствуешь, что поэт прошел большой творческий путь.

В его чеканных, мелодичных стихах ярко выражена любовь к простым людям, к их труду, к партии, к Ленину и родной стране. Он воспевает Советскую страну, идущую к светлым далям коммунизма по широким путям семилетки, полную веры в счастливое будущее.

На литературный путь поэт вступил в те годы, когда партия взяла курс на коллективизацию сельского хозяйства. В деревне шла ожесточенная борьба. И совершенно естественно, что в ранних произведениях Гуртуева значительное место занимает изображение этой борьбы («На пути к новой жизни», «Эфенди Махай» и др.).

Победа колхозного строя, большие перемены в жизни трудящегося горца радуют поэта. Он отмечает, что в колхозе живут дружно, с каждым днем светлей и краше становится родимый край.

Мотивы дружбы народов, борьбы за мир, преданности советского человека своей родине и идеям коммунизма тесно связаны с темой партии, ее организующей и направляющей роли.

Стихи Б. Гуртуева о природе родной Кабардино-Балкарии поэтичны и отличаются свежестью красок. Поэт рисует живые приметы всех времен года, но самый радостный, самый желанный для него — это образ весны, которая зеленым ковром покрывает предгорья и наполняет ущелья и долины живительным ароматом альпийских лугов. Особенно хорошо чувствуется умение автора видеть и слышать природу в большой эпической поэме «Косари».

В этом году исполняется 50 лет со дня рождения и тридцатилетие творческой деятельности поэта. Отдельным сборником его стихи издаются на русском языке впервые.

Выход в свет книги «Светлые дали» дает возможность русскому читателю более широко познакомиться с поэзией Берта Гуртуева.

Ахмат Бозиев.

ЛЕНИН И ГОРЦЫ

Поэма

1

Было всё волнующе и ново
В тот тревожный, незабвенный год.
Поднимало ленинское слово
Юную республику в поход.

Шли мы в бой, горячий и жестокий,
Встречный ветер лица обжигал,
Мчались белогривые потоки,
Эхо грохотало среди скал.

Утро начиналось до восхода,
Просыхали реки горьких слез.
Это было счастьем и свободой,
Это Революцией звалось.

Под зарей, развернутой, как знамя,
Вместе с нами всюду Ленин был,
Думал с нами,
Радовался с нами,
Вместе с нами верил и любил.

7

И навеки в смене поколений
Будет память о вожде жива.
Молодость и Ленин,
Жизнь и Ленин —
Это равнозначные слова.

2

На почетном, самом видном месте
В каждом доме ленинский портрет.
Помнишь день, когда от страшной вести
Над горами потускнел рассвет?

Шла она по льдыстым перевалам,
Словно верстам не было конца,
Холодом мертвящим обдавала,
Наполняя ужасом сердца.

И еще вдали ее заслыша,
Содрогаясь и не веря ей,
Горцы собирались на ныгыше*,
Шапки надвигая до бровей.

На земле не стало человека
Самого родного...
И народ
Попросил ашуга Батырбека —
Пусть ашуг о Ленине споет.

Над долиной песня зазвенела,
И просторы просветлели вдруг;
О бессмертье ленинского дела
Людям пел взволнованный ашуг.

* Ныгыш — место сбора горцев в ауле.

Не забыли мы сердечной песни,
Хоть прошло с тех пор немало лет...
Погляди — на самом видном месте
В каждом доме ленинский портрет.

3

Если с неожиданным сомнением
Трудно справиться порой самим,
Люди думают —
А как бы Ленин
Сделал то, что сделать нужно им.

Высоко в горах аул далекий
Прилепился к сумрачной скале;
Там лучи не золотили окон,
Там и днем ходили в полумгле.

Домики нахохлились в печали,
В неисходной, тягостной тоске.
А как часто горцам предлагали
Новое жильё невдалеке!

Председатель сельского совета
Их просил об этом не впервой,
Но они, не слушая совета,
Как один, качали головой.

И тогда, отказом огорченный,
Убедить их не имея сил,
Он сказал, вздыхая сокрушенно:
— А ведь это Ленин предложил...

Ленин!
И растерянные люди
Зашумели радостно в ответ:
— Если Ленин, — так оно и будет,

Если Ленин, — мы не против, нет!

Порешили сразу же на этом,
И прошло совсем немного дней —
Встал аул, облитый ярким светом,
Долгожданных солнечных лучей.

4

Жизнь его в порывах грозной бури,
Добрые глаза его в прищуре
Люди вспоминают вновь и вновь.
Память о вожде не умирает,
Память о вожде оберегает
Вечная народная любовь!

Помню я, как дом горел в ауле:
Пламя расплескалось по стене,
Гвозди раскаленные прогнулись,
И стонало дерево в огне.

Люди молча замерли на месте,
Да и чем помочь могли они?
Рассыпая яркие созвездья,
Падали на землю головни.

Даже стекла плавилась от жара,
Но, внезапно бросившись вперед,
Салимат в горящий дом вбежала —
Так, что ахнуть не успел народ.

Стала жуткой тишина немая,
Но прошла минута — и в дверях
Показалась женщина,
Сжимая
Статуэтку Ленина в руках.

Обгорели тонкие запястья,
Пальцы темные обожжены,
Но глаза ее светились счастьем,
Были детской радостью полны...

5

Ленин!
И в сраженье, и в работе
Это имя помогает нам.
Это имя малыши выводят
Бережно и четко по слогам.

В светлый день великой годовщины,
Памятной навеки всей земле,
Альпинист, взобравшись на вершину, —
«Ленин» — вырезает на скале.

День и ночь работают в Карпатах,
На сибирской трудятся реке
Опытные люди, что когда-то
В Ленинском учились городке.

...Гордо реет ленинское знамя
Над счастливой утренней землей.
Ленин был и будет рядом с нами,
Вечно близкий и всегда живой.

1958

МОЯ СТРАНА

Как воплощенье сбывшейся мечты,
Встаешь сегодня перед миром ты.
Светла твоя дорога и ясна,
Моя прекрасная страна.

Воистину бескраен твой простор.
От северных морей до южных гор
Ты щедрым солнцем вся озарена,
Моя любимая страна.

Плечом к плечу
По замыслам твоим
Народы шли к победам трудовым.
Тебе одной их жизнь посвящена,
Моя родимая страна.

На всей планете слышен голос твой,
Людей зовет он на войну с войной.
Ты мудрого достоинства полна,
Моя великая страна.

Гордимся мы полетом наших дней,
Мы радуемся радостью твоей;
Чудесна ты, как юная весна,
Моя цветущая страна.

Ты нас освободила навсегда
От нищеты и рабского труда.
Иная жизнь тобой утверждена,
Моя счастливая страна.

На всех путях, что суждены тебе,
Во всех делах, в работе и борьбе,
Ты ленинскому знамени верна,
Моя могучая страна!

1958

НАЛЬЧИК

Ты на груди Кавказских гор
Красою радуешь наш взор.
Сбылись, сбылись твои мечты:
День ото дня все краше ты,
Но сквозь веков седой туман
Хранит Чегем, хранит Бакса!¹
Преданья о далеких днях,
Когда царил повсюду страх,
Когда народы меж собой
Вели кровавый, смертный бой,
И над землей сгушалась мгла,
И в сердце ненависть жила...
О Нальчик!

Сквозь дыханье гроз
Я в сердце бережно пронес,
Пронес в тревоге и борьбе
Любовь сыновнюю к тебе.
Люблю я чистый воздух твой,
И первый снег, и дождь весной.
Как будто общий той * идет, —
Здесь, как девичий хоровод,
Раскачиваясь ветру в лад,
Густые деревца шумят
И крон зеленые шары

* Той — праздник.

Людей спасают от жары.
Вот улица.
Была она
В честь Воронцова * названа.
Теперь иначе решено:
Ей имя Кабарды дано.
Ты в летний день пройдишь по ней —
Какое множество людей,
Улыбок и веселых лиц,
Как будто счастью нет границ!
Зажглись вечерние огни —
К центральной улице сверни.
Легла она прямой луча
И носит имя Ильича.
Она уходит вдаль,
Туда,
Где горная видна гряда.
Плывет пьянящий аромат,
Благоухает каждый сад.
Стальные мачты фонарей
Сегодня высятся над ней,
И, как бескрайним большаком,
Машины мчатся с ветерком.
Над новостройкой в полумглу
Подъемный кран взметнул стрелу.
Растет мой город с каждым днем,
Вступает в строй за домом дом.
Люблю я Нальчик с детских лет:
Аулам дальним дал он свет,
К нему курортники спешат,
И он гостей приветить рад,
Чтоб всякий, кто хоть малый срок
Здесь отдохнуть однажды мог,

* Воронцов — князь, наместник Кавказа.

Опять с запасом новых сил
На пост рабочий заступил.
Мы уничтожили следы
Былой войны, былой страды,
И вновь горит во тьме ночей
Живая радуга огней,
И перекличкой заводской
Разбужен утренний покой.
Со всей великою страной
Идешь вперед ты, город мой.
Твоя судьба, как день, светла,
Прославлены твои дела.
Тобой гордится Кабарда,
Тобой Балкария горда!

1957

РУССКИЕ БЕРЕЗКИ

Для дружбы верной —
Как для слова —
Нет расстояний и преград.
У памятника Калмыкова
Березки русские стоят.

Как будто вслед за Антониной*,
Бескрайний вымерив простор,
Покинув снежные равнины,
Пришли они к подножью гор.

Пришли, чтоб слушать ветры юга
Под небом вечно голубым,
И успокоить сердце друга,
И навсегда остаться с ним...

1960

* Антонина — супруга Б. Э. Калмыкова, русская.

ПЕРВОМАИ

Не гудит над нами
Ветер, зол и лют,
В синем небе песни
Над страной плывут.

Нежное сияние
Льется с высоты.
Расцвели сегодня
Первые цветы.

Чист и неогляден
Ясный небосклон,
Города и села
В зареве знамен.

Разгорелось солнце,
Блещет над страной,
Улицы умыты
Светом и весной.

Сколько лиц счастливых,
Как вокруг светло,
Будто от улыбок
Утро расцвело.

Яркими лучами
Воздух напоен...
Мы сегодня песни
Радости поем.

Мы поем о нашей
Солнечной стране,
О ее просторах,
О ее весне.

Улываются песни,
Будто стаи птиц,
И не знают песни
Никаких границ.

Облетают песни
Горы и поля.
Голос Первомай
Слышит вся земля!

1939

ВЕСНА В ГОРАХ

Ручейки проснулись и умолкли,
Льдинки зазвенели под ногами,
И, дрожа на холоду, теленок
Смотрит в небо влажными глазами.

Незаметно дни токлutoймáз*,
Зеленясь, на склонах пролетели,
И опять заporошили землю
Белые холодные метели.

Вновь зима лютует на прощанье,
И такая на Кавказе стужа,
Что, куда б ни торопился горец,
Дома он во время балдражюза**.

Ибо всем известен нрав коварный
И совсем не шуточные угрозы
Старого, с тяжелою клюкою,
В иней облаченного мороза.

Дни бегут...
Опять синее небо,

* Токлутоймáз (балк.) — буквально: когда барашек не наестся, короткие дни.

Балдражюз (балк.) — последние холодные дни зимы.

С юга прилетают птичьи стаи,
И от стрел, на солнце раскаленных,
Снег искристый рушится и тает.

Ночь короче. Торопливей зори,
Все светлей улыбчивое утро,
И звенит в лощинах безымянных
Звонкий смех весны зеленокудрой.

А зима укрылась на вершинах,
Но и там, в убежищах высоких,
Слышно ей, как на ее просторе
Буйствуют весенние потоки.

Дни бегут...
Уже утихли воды,
Небосвод спокойный и лучистый.
И, на солнце согреваясь, овцы
Лакомятся травкой бархатистой.

Мчатся вдаль машины по дорогам,
Поле оживает с первым светом,
И сады, как в сказке, зацветают
Самым нежным, самым белым цветом.

Завела веретено старушка
На припеке в золотистом блеске
И глядит, бывшее вспоминая,
Как на грядке трудится невестка.

Чабаны отары гонят в горы
К новым травам, сочным и зеленым,
И спешат курчавые ягнята,
Семена за матерью по склонам.

Сметены морозы и метели
С гор зеленокудрою весной,
И «долай-долай...» дояр веселый
Запевает утренней порою.

1955

БУДЕТ ДАЛЬ ПРОЗРАЧНА И ТИХА

Встречный ветер гулко налетает,
Гнет камыш
И обрывает шаг,
Он сугробы в поле наметает,
Он свистит пронзительно в ушах.

Ветви нависают, словно плети,
И робеет слабый человек.
Но недолго злиться будет ветер
И слепить глаза колючий снег.

Скоро, скоро вспыхнет на востоке
Яркий по-весеннему восход.
Зажурчат веселые потоки,
Над рекою ива зацветет.

Кружево растает ледяное,
Будет даль прозрачна и тиха,
И земля,
Согретая весною,
Ляжет под стальные лемеха.

1940

ГОРНАЯ РЕКА

На склонах горы сквозь волнистый туман
Гудит над ущельями снежный буран.
На склонах горы из-под вечного льда
Бурлит и искрится живая вода.
Прозрачные струи бегут по камням,
И шумный поток образуется там.
Холодные воды вбирая в себя,
Он весело мчится, утесы дробя.
Минута — и вот голубые валы
В широкую пропасть летят со скалы.
В глубокой теснине — могуч и широк —
Он дальше несется, упрямый поток.
И грохот растет, заглушая слова,
Как будто стучат под горой жернова.
Ты вниз поглядишь — и покажется вдруг,
Что яростный бой закипает вокруг:
Бушует вода и, кидаясь вперед,
Размытые глыбы с собою несет,
И лижет слезинки на скалах седых,
А заросли встретит — уносит и их;
И, тайные щели заполнив в пути,
Богатства подземные хочет найти.
Тяжелые камни летят под обрыв
И, водам мутящимся путь перекрыв,

Ложатся, как будто отара овец,
И удали буйной приходит конец.
Шипя и воркуя, речная волна
По камням струится, упорства полна,
И, в узких воронках бессильно кружась,
Как пленная птица, трепещет подчас.
Но пройдены камни — и воля близка,
И вот, торжествуя победу, река
В долине серебряной вьется змеей,
Под солнцем горячим блестя чешуей.
Безоблачен полдень, прозрачен и тих,
И, ласково нежась в лучах золотых,
Выходит она на широкий простор,
К садам плодоносным, к подножию гор.
И сказочный путь перед нею открыт;
Течет и, как звездная россыпь, блестит,
И людям волнует и радует взор —
Чудесный подарок заснеженных гор.

1957

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Плывут облака над рекою,
Умытые травы блестят,
И радуга встала дугою,
Лаская и радуя взгляд.

Как будто, вспорхнув над пшеницей,
Увидев за тучами свет,
Промчалась над полем жар-птица,
Чертя удивительный след.

1960

ШУМЯТ ЛЕСА

Шумят леса,
Их кущи полны лета,
В них сила и преемственность времен.
Здесь смысл один:
Тянуться жадно к свету
И вырасти не ниже старых крон,
Поднять в простор
Могучие вершины,
Дарить земле
Узорчатую медь,
Зимой студенной терпеливо стынуть,
А в светлом мае — дружно зеленеть.

1948

НЕСПРОСТА...

Ослепительно чист
Небосвод голубой,
Ослепительно чист и глубок.

А в лугах — тишина,
Опьяняющий зной,
Где-то дремлет в тени ветерок.

Поднимаясь в зенит,
Солнце яростно жжет,
Будто льет оно жар с высоты,

Но косарь по лугам
Даже в полдень идет,
Когда вянут от зноя цветы.

Неспроста, неспроста
Тонкой струйкой течет
Пот по смуглым щекам косаря:

Он сегодня пришел
На волнистый простор,
Лишь затеплилась в небе заря.

Неспроста, неспроста
Утомился косарь,
Без дождя он до нитки промок.

Посмотри: он стоит
На горячей земле,
Направляя косу о брусok.

День погожий такой —
Наш народ говорит —
Целый месяц прокормит зимой.

Кто же в страдные дни
Отдыхает в тени, —
Не расстанется вечно с сумой.

Говорят, кто в страду
Своих сил не щадил,
У того с пальцев капает мед;

Неспроста, неспроста
На покосных лугах
Трудовое сражение идет.

Неспроста, неспроста,
Утомившийся днем,
Труд свой видит косарь по ночам,

Видит даже во сне,
Как со звонкой косой
Он идет по широким лугам.

1958

ЯБЛОНЬКА

Весь в блеске утренней росы
Проснулся щедрый сад.
Под яблонькою молодой
Рогатины стоят.

Она совсем еще юна,
И неизвестно ей,
Что погибает деревцо
Под тяжестью ветвей.

Она спешит.
Не по годам
Крупны ее плоды.
Когда б ее не берегли,
Не миновать беды.

Она растет не так, как все,
От сверстниц в стороне;
Она простерла широко
Все ветви по весне.

И сразу видно: приглядел
За нею добрый глаз.
Зато еще и одарит
Она людей не раз.

1958

ДЫМОК НАД АУЛОМ

Аул не виден среди скал,
Но поутру над плоской крышей
Дымок собрался и привстал,
И поднимается все выше.

И первый луч свой золотой
К нему протягивает солнце,
А он над теплою трубой,
Как шарф волнистый, к небу вьется.

Он уплывает к Безенги,
Гонимый ветром из Хулама*.
Звонят тревожно родники,
И травка выбилась упрямо.

И солнце из-за гор взошло
И заалело над аулом,
И лучезарное крыло
Все тени темные смахнуло.

И, как на стройном скакуне
Под шалью тонкою невеста,

* Хулам — аул.

Дымок в рассветной вышине
Плывет один путем небесным.

Плывет равниной голубой
В степные дальние просторы,
Навек оставив за собой
Седые дрогнувшие горы.

1956

МОГУЧИЙ ДУБ

Вцепившись грубыми корнями
В уже поблекший косогор,
Могучий дуб над валунами
Густые ветви распростер.

Как богатырь широкоплечий,
Загородив последний путь,
Он высится,
Ветрам навстречу
Подставив бронзовую грудь.

Печально листья пожелтели,
Но он всё так же величав —
Над стебельками тонких трав,
Прибитых первою метелью.

Всё отступает перед ним:
И снег, и непогода ночная...
Ненастный день в пути встречая,
И я хотел бы
Быть таким.

1960

СТАР ДЖИГИТ...

Стар джигит,
Но сил еще немало,
Стар джигит,
Но сердцем не устал.
Снегом заметает перевалы —
Он за перевалы ускакал.

Он летит навстречу белым выюгам
Не боясь, как прежде, ничего,
Стар джигит,
Но он поскачет с внуком,
Да и не отстанет от него.

1959

ГОРЯНКА

Было прежде у горянки
Незавидное житье.
«Волос долог — ум короток», —
Говорили про нее.

Заступали ей дороги
И держали взаперти,
Силой замуж заставляли
За немилого идти.

И, противиться не смея,
Страха горького полна,
Не женою, а рабыней
Молча делалась она.

Ей твердили, что в смиренье —
Избавление от бед:
— Если женщина свободна,
От нее и проку нет.

Вот и стыла перед мужем,
Повелителем своим, —
И чабуры* с ног снимала,
И дрожала перед ним.

* Ч а б у р ы — обувь из сыромятной кожи.

Шла босая за водою,
Коченела в холода.
Даже ветхого пальтишка
Не видала никогда...

Но пришло иное время, —
В грозном гнѣве на господ
Ополчился пробужденный
Истрадавшийся народ.

Там, где битва закипала,
Тяжела и горяча,
Он сражался, просветленный
Мудрым словом Ильича.

И впервые в ту годину,
В том решительном бою
Женщина была с мужчиной,
Как сестра, в одном строю.

Землю, политую кровью,
Защитила от врагов,
Навсегда освободилась
От мучительных оков.

С той поры горянки наши,
Равноправный славя труд,
На заводах и в колхозах
Счастье новое куют.

Все пути для них открыты —
Путь по сердцу выбирай.
Мы о том слагаем песни,
Что летят из края в край.

Мы поем про смелых, верных,
Замечательных подруг,
Что умеют потрудиться
И украсить наш досуг.

Мы глядим на славных женщин
С восхищением в сердцах:
Эта — трудится сегодня
На строительных лесах;

Та — склонилась над штурвалом,
Самолет ведет в ночи.
Наши женщины сегодня —
Агрономы и врачи.

И ни в чем уже мужчинам
Не уступят никогда
Мастера и героини
Вдохновенного труда.

И поэтому, родные,
От всего народа вам
В светлый день
Восьмого марта —
Самый пламенный салам!

1957

НИКУДА НЕ УХОДИ

Разговаривают листья
Меж собою в поздний час
И, не кончив разговора,
Плавно падают на нас.

Под вечерним ясным небом
Дремлет горная гряда;
Нам завидует, наверно,
Одинокая звезда.

Стынет дымка над аулом,
Над прозрачною рекой;
Эта ночь приносит людям
И отраду, и покой.

Ты всегда перед глазами,
Ты повсюду нужен мне:
И в заботе,
И в работе,
И в вечерней тишине.

Каждый раз,
С тобой простившись,
Огорчаясь и любя,
Неотрывным, долгим взглядом
Провожая я тебя.

Как прекрасен лес осенний,
Звонкий шелест под ногой,
Только мне в лесу милее
Слышать рядом голос твой.

Впереди одна дорога,
Много тропок позади...
Будь со мною, ненаглядный,
Никуда не уходи.

1960

ГОЛУБОГЛАЗОИ

Как звездный свет осенней ночью
В себя вбирает тихий сад,
Так и меня теперь манят
Твои негреющие очи.

И, как по скалам ледяным,
Неудержимо,
Безнадежно
Глазами грустными по ним
Скольжу к разлуке неизбежной.

Что я нашел в любви своей, —
Не рассказать мне даже брату,
Ведь мне дороже всех лучей
Тот холодок голубоватый.

1940

ЛАНДЫШ И ЧЕРЕМША

Растаяли ночные облака,
И на рассвете поднялись упруго
Омытые росой два цветка,
Похожие, как братья, друг на друга.

Под вешним солнцем набираясь сил,
Они стояли рядом, и при этом
Казалось так, что каждый повторил
Себя в другом
И листьями и цветом.

Их можно было спутать под рукой,
Двух близнецов с несхожею душою.
Один был нежным ландышем,
Другой —
Стоявший рядом — звался черемшою.

Один дарил тончайший аромат —
Вдохнуть его и дорого и любо;
Другой как будто людям был не рад
И терпкой влагой обжигал им губы...

* * *

Не ошибись в пути, товарищ мой,
Когда, любуясь пестротой луга,
Увидишь ты цветы перед собой,
Похожие, как эти, друг на друга.

Природа наделила их равно
Неброской, одинаковой красою,
Но только одному из них дано
Людей приветить раннею весною.

А то и так бывает на веку, —
И этому у нас примеров много, —
Притронешься к прекрасному цветку
И вскрикнешь от мгновенного ожога.

1947

В ДНИ XXI СЪЕЗДА ПАРТИИ

Нам партия путь указала,
Как мудрый наставник и друг,
И стены Кремлевского зала
Как будто раздвинулись вдруг.

В те дни ощутили мы сами
С невольным волнением в груди,
Как много сделано нами
И сколько работ впереди.

Простор зеленеет целинный,
Ракеты стартуют с Земли,
На Волге грохочут турбины,
В пустынях цветы зацвели.

Уверенно,
В смелой разведке,
В грядущее верой полна,
По светлым путям семилетки
Идет к коммунизму страна.

1960

МОСКВА

Москва моя,
Ты с гор видна мне;
Люблю тебя
Любовью давней.
Ты в день тревожный,
В день ненастный
Глядишь на мир
С улыбкой ясной.
В который раз,
Оставив горы,
Я прихожу к тебе,
Мой город.
И так же,
Как при первой встрече,
Я вижу
В этот светлый вечер,
Как наши ели,
Голубея,
Стоят в тиши
У Мавзолея.
Всем сердцем,
Всей своей судьбою,
Всей жизнью связан
Я с тобою.
И как мне этим
Не гордиться,

Москва моя,
Моя столица!
В веках
Сияет величаво
Твоя немеркнущая слава.

1957

ПОЭТУ

Коль звонкая песня
От сердца идет,
Весеннего света полна, —
Подхватит ее
Благодарный народ,
Которому песня дана.

Коль думы глубоки
И песня тепла,
Правдивы и ярки слова, —
Услышав ее,
Оживет и скала,
Словам отзовется листва.

Пусть песня не знает
Ни страха, ни лжи —
Ты людям приносишь ее.
Живи для народа,
Народу служи —
В том высшее счастье твое.

Пусть песня твоя
Не боится преград,
Отраду и силу дает,
Пусть песня гремит,
Как речной водопад,
Зовет за собою вперед!

Но песня и тем
Иногда дорога,
Что слово налито свинцом,
Что песня встает
На пути у врага
Суровым и грозным бойцом.

1956

ИДЕМ МЫ СКВОЗЬ БУРИ И ГРОЗЫ

Идем мы сквозь бури и грозы
Нелегким, но славным путем.
Мы в битвах весну отстаили,
Мы к братству народы зовем.

И силы коварные ночи
С их черной извечной игрой
Бессильны пред нашею правдой,
Бессильны, как тьма пред зарей.

Она над простором бескрайним
Горит, зажигая сердца.
Идем мы сквозь бури и грозы,
Идем, не скрывая лица.

Нас вера в людей окрылила,
Мы против насилья и мглы,
И, глядя на нас,
Угнетенный
Срывает свои кандалы.

Нет цели на свете достойней,
Нет дела на свете верней,
Чем наша борьба за свободу,
За жизнь и за счастье людей.

1955

КОГДА СУДЯТ МАНОЛИСА...

Когда страну враги топтали,
Когда катился грозный вал,
То вы
Героем называли
Того, кто черный флаг сорвал;

Кто шел — суровый, непреклонный —
Навстречу яростным ветрам
И мстил за край порабощенный,
А вы — таились по углам.

Теперь вы храбрые опять,
Чтоб лишний день пробыть у власти,
Готовы вы и тени свастик
Безгрешным светом называть.

И вновь Манолис в кандалах,
И если бы хватило силы,
То вы в застенках и судах
Его давно бы задушили.

Но ставит мир пределы тьме;
Всё больше света год от года,
И возмужавшая свобода
Не умещается в тюрьме.

Эллада гневная встает,
Над вами небо пламенеет.
Не забывайте, что народ
По-своему
Судить умеет.

1959

ЧЕТЫРЕ ВЕКА

Когда рассеивались чары
И все пророчило беду,
Когда топтали янычары
Истерзанную Кабарду,
Когда простор темнел в печали,
И ночью становился день,
И только горестно пылали
Костры черкесских деревень,
Когда к аулу от аула
Плыл дым,
Седой, как облака, —
Тогда Россия протянула
Нам руку дружбы на века.
С годами дружба та окрепла,
И, силой новою горда,
Из праха черного и пепла
Восстала к свету Кабарда.
Прекрасен день, когда впервые
По солнечному большаку
Послы явились из России
С приветом добрым к Темрюку.
И люди радовались этой
Заветной встрече, как заре,
И пир до самого рассвета
Шумел на княжеском дворе.
Прошло ни много и ни мало —

Четыре века с той поры,
Но никогда не забывала
Россия
О судьбе сестры.
Цветет весна,
И жизнь все краше.
В великих буднях трудовых
Идут вперед народы наши,
И нерушима дружба их.
Так пусть и дальше будет светел
Союз России с Кабардой,
Как праздник четырехсотлетия
Той дружбы, вечно молодой!

1957

НАДПИСЬ НА СКАЛЕ

По-над Хуламом, над скалой,
Спешат, гудят ветра.
Чуть ниже — тур к траве густой
Рога склонил с утра.

А скалы смотрят сверху вниз —
Аула караул, —
Друг друга поднимают ввысь,
Глухой их слышу гул.

И я над пропастью повис,
К груди скалы приник,
Как муравей, ползу я ввысь,
Я крутизны достиг.

Вверху вихрится туч клубок,
Где скал крутой изгиб.
Внизу аул на склоне лег,
Как груда белых глыб.

Внизу, в реке — за бликом блик,
Вверху темнеет день,
Как туча, застит свет на миг
Орлиных крыльев тень...

И вот — усилье рук, рывок,
И я на гребень сел.

Горжусь, что всё-таки я смог,
Вершину одолел.

Горжусь, что вырос на земле,
Где видно всё вокруг.
Свое я имя на скале
Пишу. И вижу вдруг:

Начертано «Иван Светлов»
На каменной стене.
Он проложил мне путь.

Без слов

Всё стало ясно мне.

Мой брат пробил к вершине путь.
Я помню всё в пути,
Все выступы, где мог вздохнуть,
И к цели вновь идти.

Мой старший брат мне руку дал,
К вершине счастья вел.
Да будет надпись, как звезда,
Видна из горских сёл.

Мы всюду вместе по земле
Плечом к плечу прошли.
Пусть видят надпись на скале
Народы всей земли.

1957

Перевод *Евг. Яшкина*.

ЯСНОЕ УТРО

Алым светом загорается восток,
С гребней гор струится быстрый ветерок,
Далеко за горы тучу гонит он,
Чтоб она не заслоняла небосклон.

О серебряные горы, там, вдали!
Все дороги мира к вам меня вели,
Я спешу навстречу вам, чтобы опять
Вам объятия раскрыть — и не обнять.

Солнце тихо поднимается в зенит
И серебряные гребни золотит,
Замирает ветерок — пришла пора
Золотого и лучистого тепла.

Я рассвета здесь не видел с давних пор,
О, как ясен утра свет, сиянье гор!
Если б ты увидел их, наверняка
К ним пошел бы ты пешком издалека.

Беспредельна, величава и проста
Горных кряжей вековая красота, —
То укрыты склоны зеленью лугов,
То мерцают белым саваном снегов,

То клубятся над горами облака, —
Словно пенистая горная река.
Оседают облака и всё кругом
Обволакивают белым волокном.

Золотистый их пронизывает луч.
Глядя черные морщины горных круч,
И чтоб стал еще красивее простор,
Мы отарами украсим склоны гор!

Час рассвета... Что прекраснее для нас!
Мы страну свою встречаем в этот час.
Солнца утреннего радостны лучи,
И друзей рукопожатья горячи.

Кабардинцы нас встречают — стар и млад —
«Вашей радости мы рады», — говорят.
Клятва дружбы — это клятва навсегда,
Наша радость — радость общего труда!

Солнце родины послало нам привет,
Светом радости да будет этот свет, —
Он народу освещает путь вперед,
Не наденет больше траура народ!

Солнце дружбы озаряет весь Кавказ,
Солнце братства, окрыляющего нас
На мечты и на великие дела.
Солнце дружбы наша партия зажгла!

И, как солнца луч, уверен, светел, прям
Путь, что партия указывает нам.
Ясным светом озаряет нашу жизнь
Наше счастье, наша сила — коммунизм!

1956

Перевод Ю. Валича.

ПУШКИН

Просторы окутаны
Дымкой морозной.
Холодное солнце.
Заснеженный лес.
Мохнатые ели,
Высокие сосны.
Пустынно и зябко...
Стреляет Дантес.
Незримая пуля
В ушах просвистела.
Злорадно опущен
К земле пистолет.
И сразу бессильным
Становится тело,
И падает навзничь
Сраженный поэт.
Распахнута шуба.
Рука — как чужая,
Предметы теряют
Упругость и вес.
Он медленно целится,
Ствол поднимая,
В неясную точку,
Где замер Дантес.
Качнулись и дрогнули

Легкие сани.
Пугливые кони
Храпят на бегу.
Нельзя прикоснуться
К запекшейся ране,
Последним видением —
Кровь на снегу...
Казенно и наскоро
Тело отпето,
Потушены свечи,
И темен алтарь.
Умолк
Обличительный голос поэта.
Довольны жандармы.
Доволен и царь.
Теперь он спокоен:
Он знает прекрасно,
Что мертвым не выйти,
Не встать из могил.
Но смерть отобрать
У народа не властна
Того, кто всечасно
Народу служил.
Нет, Пушкин не умер!
Прносятся годы,
И мы вспоминаем
Опять и опять
Певца, что стремился
Восславить свободу
И добрые чувства
В сердцах пробуждать.
В больших городах
И аулах далеких,
Плененные мудростью
Пушкинских книг,

Пронесят с собою
Бессмертные строки
Балкарец и русский,
Тунгуз и калмык,
Повсюду, где птицы
Поют на рассвете,
Где реки звенят
И трепещет листва,
Повсюду,
Где солнце высокое светит,
Поэзия Пушкина
Вечно жива!

1937

МАРКО ВОВЧОК

(К 125-летию со дня рождения)

Ненастный день колокола будили,
Клубились тучи в перевозданной мгле.
Ржавели цепи,
Годы уходили,
А горе оставалось на земле.
Жестокий мир вставал перед глазами,
Грозя бедой, преследовал людей.
Изнемогая,
С верными друзьями
Делилась ты кручиною своей.
Глухие стоны горестно звучали,
И, сумрачной тревогой налита,
Строка ложилась на сердце в печали,
Как тяжкая надгробная плита.
Но тем, кто в счастье верил неотступно,
Тем дорог был правдивый голос твой,
Как совесть их, такой же неподкупный,
Как вера их, упрямый и живой.
Суровые, бескрайние просторы
В тот трудный век не разделили нас:
Усталая, приехала ты в горы
И сразу полюбила наш Кавказ.
Чтоб обрести желанную свободу,
Еще, казалось, не было путей.
Ох, как несладко здесь жилось народу,
Не лучше, чем на родине твоей...

К тебе спешили горцы
По дорогам,
Доступным не для каждого коня,
Из саклей, прилепившихся к отрогам,
Из горских сел Ак-су и Хасанья.
Бежала тропка, надвое разрезав
Зеленый луг...
В вечерний тихий час
Здесь разговаривал с тобой Кучмезов.
Акаев* навещал тебя не раз.
Приветно кланялся тебе прохожий,
Благословлял тебя любой батрак.
Мне говорят, что ты была похожа
На мать мою.
Наверно, это так...
Живительной прохладой веял ветер,
Благоухали яркие цветы,
Вдыхая горный воздух,
На рассвете
Навстречу ветру выходила ты.
Но пробил час. Навек сомкнулись очи,
Как будто опустились два крыла.
И в горы весть пришла чернее ночи,
И горы повторили: «Умерла...»
И скорби беспредельной не таила
Земля моя на сотни верст окрест,
Когда над свежей, дорогой могилой
Встал одинокий деревянный крест.
...Опять весна,
Опять земля в расцвете,
Но с той поры прошло немало лет.
Свободны мы. Наш путь далек и светел,

* Кучмезов и Акаев — местные жители, близко знавшие писательницу.

И тьмы былой давно в помине нет.
Но мы, встречая солнце, не забудем,
Как зажигались первые огни.
За все добро, содеянное людям,
Тебе воздвигли памятник они.
В рассветной дымке утренние дали
И зелень трав по-вешнему ярка,
И, расстилаясь по ветру, как шали,
Неслышно проплывают облака.
И стайкой говорливой и веселой
Сюда порой с учителем седым
Приходят дети из соседней школы, —
Она зовется именем твоим.
И домик твой,* где памятны и живы
Минувшего незримые следы,
Хранит народ Балкарии счастливой,
Хранит народ счастливой Кабарды.
Я гордым взором Родину окину,
Окину зеленеющий простор:
Приветствуют степную Украину
Вершины древние Кавказских гор.
Я расскажу тебе о нашем счастье,
О подвигах и буднях трудовых...
Но мертвые к волненью непричастны,
Они не слышат голоса живых.
Цветет тобой посаженная груша;
Я не дотронусь до нее рукой,
Я строгого молчанья не нарушу —
Спи вечным сном! Священен твой покой.
Все хорошо:
И горы наши близко,
И солнце щедро озаряет их,
И золотятся грани обелиска
В лучах его — прозрачных и прямых.

1959

КЯЗИМУ

Пусть не увидим мы тебя живого,
Но память о тебе всегда жива.
В который раз я вспоминаю снова
Твой добрый взгляд и мудрые слова!
Они полны особого накала;
Не потому ль и каждая строка
Зажглась, как луч,
И поговоркой стала,
И будет греть,
И будет жить века!
Не потому ль твой каждый стих

крылатый,

Как верный друг, нам близок и знаком:
Он горные обходит перекааты,
Он слышится в пролете заводском.
Ему из поколенья в поколенья
Внимал народ, дыханье затая.
Источник радости и вдохновенья —
Бессмертная поэзия твоя.
Звучит твой голос, силы не теряя,
Ты рядом с нами, вечно молодой.
Как вешний сад, от края и до края
Цветет земля,
Воспетая тобой.

1958

НАШЕМУ ДРУГУ АТКАЮ

Мы, всей душой твой Дагестан любя,
Приветствуем в Балкарии тебя.

Ты верный друг, и ты приносишь нам
От Дагестана братского салам.

И верим мы, что ярче света нет,
Чем нашей дружбы негасимой свет.

Недолго ты гостил. Прощай, Аткай.
В Балкарию пути не забывай.

И если ты соскучишься, Аткай,
Как брат, без приглашенья приезжай.

1957

МОЕМУ УЧИТЕЛЮ ШАХМУРЗАЕВУ

Твоя рука не знает дрожи,
Твоим путям предела нет.
Что старость? — ведь она не может
Отнять у сердца вешний свет.
И пусть вдали любви истоки,
И пусть у нас иная стать,
Но мы с тобой стальные строки
Еще сумеем отковать.

1957

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Впервые в жизни
Точно по гудку
Ты, сняв неспешно
Номерок в проходе,
Робея и волнуясь,
Встал к станку
Уже не в ФЗУ,
А на заводе.

И как не волноваться,
Если здесь
Из первосортной
Запорожской стали
Сегодня сам
● Для Красноярской ГЭС
Ты отшлифуешь
Первые детали.

Ты всё еще
Как будто виноват,
И согласиться
Для тебя не просто,
Что ты моложе
Остальных ребят,
Что ты обижен
Силою и ростом;

Что всё еще
И нынче, как на грех,
Пушок
Едва приметен над губою,
Но старый мастер
На виду у всех,
Как равный с равным,
Говорит с тобою.

Дыханье цеха,
Гул станков его,
Как музыка
Торжественно-большая,
Звучит,
Биенье сердца твоего
Мелодией своей
Не заглушая.

Два острых ритма —
Сердца и станка —
В груди твоей
Слились легко и гордо,
И вот уже
Уверенней рука,
И хочется не нормы,
А рекорда.

И ты как будто
Вдвое старше стал,
Следишь, откинув
Волосы сердито,
Как входит
В неподатливую сталь
Стремительное жало
Победита.

Подходит мастер,
Смотрит на часы,
Берет деталь,
Заточенную ловко,
Украдкой
Улыбается в усы
И говорит:
— Гвардейская сноровка!

И веришь ты:
Желанное сбылось.
Трудом своим,
Удачливым на диво,
Тыходишь
Как участник, а не гость
В большую жизнь
Большого коллектива.

Ты с этих пор
Не только за станок, —
За многое в ответе
Ты отныне:
За этот цех,
За этот городок,
За каждый винтик
В будущей турбине,
За каждый трактор,
Выпущенный в срок,
За каждый куст,
Посаженный в пустыне.

Начавший смену
С утренним гудком,
И жить, и думать
Ты иначе призван:

Еще вчера
Ты был учеником,
Сегодня ты —
Строитель Коммунизма.

1958

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

В самые большие города,
В самые окраинные села
Ты приносишь голос комсомола —
Голос мира, правды и труда.
Не твое ли пламенное слово
Слушали, дыханье затая,
Сверстники Олега Кошевого,
Боевые Зоины друзья.
Ты зовешь работать и учиться,
Ты в пути,
Как вся моя страна.
Песня поднимается, как птица,
Щедрым солнцем даль озарена.
Ждут тебя колхозы и заводы,
Ждут тебя полярные моря —
Молодость советского народа,
Правда Комсомольская моя!

1958

Я ПОМНЮ

Я помню общее смятенье
В былые времена,
Когда под сумрачною тенью
Скрывалась вдруг луна.
Эфенди в ужасе молился,
Просил аллаха он,
Чтоб на людей не ополчился
Безжалостный дракон.
От страха сердце замирало,
Протяжно выли псы,
И били горцы чем попало
О медные тазы...
Пожалуй, кстати вспомнить это
Теперь,
В тот самый час,
Когда советская ракета
С луной знакомит нас,
Когда к космическим просторам
Пытливо устремлен
Взор тех же горцев, для которых
Так страшен был дракон.

1960

НОВОГОДНЕЕ ПОЖЕЛАНИЕ

Немало радости принес
Минувший год.
Любой колхоз,
Любая школа и завод
Добром помянут этот год.
Победный труд на целине,
Советский вымпел на луне,
Ракеты и атомоход —
Вот что такое этот год.
Обычай добрый нам велит
В полночный час,
Когда накрыт
Нарядный стол,
Желать друзьям —
Чего себе желаешь сам.
И я сегодня в свой черед
Хочу сказать:
Пусть новый год
Стоит, как прошлые года,
На страже мира и труда.
Пусть по весне сады цветут,
Пусть города в тайге растут,
Пусть каждый день и каждый час
Зовет к свершеньям славным нас.
Нам эстафету старый год,
Друзья мои, передает.

Я пожелать того хочу,
Чтоб всё вам было по плечу
В учебе вашей и труде,
А впрочем, — слово тамаде.
Он за столом незаменим,
И новогодний тост — за ним.

1959

ЧТОБ ВЕСНОЙ ЗЕЛЕНЕЛИ ПОЛЯ

Я запомнил тот год,
Тот безжалостный год,
Когда шла по дорогам беда,
Когда сердце чернело
От лютых невзгод
И пылали во тьме города.
Всё смешалось:
И ночи, и жуткие сны,
День тянулся, как медленный век.
До сих пор,
Будто старая память войны,
Стынут грустные ивы у рек.
Сколько светлых надежд
Унесла навсегда,
Сколько мук причинила она —
Эта горькая боль,
Эта злая беда,
Эта страшная гостя — война!
Я хочу, чтобы дни,
Разгораясь, цвели,
Чтоб весной зеленели поля,
Чтобы тени войны
Никогда не легли
На привольные наши поля.

1960

ВСТАВАЙ, НАРОД!

С коварством змеиным
В предутренний час
Фашисты внезапно
Напали на нас,
На наши цветущие
Мирные нивы,
На край наш свободный,
На край наш счастливый.
По взрытым дорогам
Идут палачи,
Молдавские села
Пылают в ночи,
В глубоких воронках
Поля Украины,
Над Бугом и Сожем
Дымятся руины.
Но грозно встает
На борьбу, как один,
От края до края
Народ-исполин.
За каждый наш дом,
Что разрушен войною,
Фашисты заплатят
Немалой ценою.
Ни пули, ни мины
В бою не страшат

Отважных и гневных
Советских солдат.
И жалкому трусу
Не будет прощенья,
Коль, дрогнув,
Оставит он
Поле сраженья.
Напрасно пытается
Черная рать
Свободу и счастье
У нас отобрать.
Советские люди
Тверды и суровы,
Советские люди
На подвиг готовы.
Нам Родина наша,
Как мать, дорога.
Победа близка —
Уничтожим врага!

1941

ПОСЛЕ БОЯ

Он в атаку бежал,
Смерть летела к нему
Быстрой пулей,
Как ветер, свистящий в ушах.
Он в атаку бежал
По крутому холму,
Сапогами сбивая
Росу на цветах.
И когда добежал
До окопов солдат,
Он забыл обо всём,
Он себя не щадил,
На врагов опускал он,
Как молот, приклад,
Словно ярость солдату
Прибавила сил.
А потом он сидел.
Вился сизый дымок.
Остывала земля.
Продолжалась война.
Но казалось земле,
Что покой недалек,
А солдату казалось, —
Кричит тишина...

1942

НЕТ ПОЩАДЫ!

В расстегнутых мундирах серых
Пьют, погружаясь в сизый дым,
Эсэсовские офицеры.
Их четверо, и скучно им.
За дверью резкий свист метели,
За окнами густая тьма.
Уже бутылки опустели,
И смята пестрая кошма.
Рыжеволосый,
Сдвинув брови,
Майор встает из-за стола:
— Люблю полакомиться кровью,
Когда она еще тепла...
Не больше, чем одна минута,
Проходит в тишине хмельной.
— Вы что, не верите как будто?
Тогда — пари,
Прошу за мной!
Не прерывая разговора
И чуть покачиваясь, он
Подходит к домику, который
Плетнем иссохшим окружен.
Старушку, плачущую громко,
Перчаткою наотмашь бьет
И девочку — совсем ребенка —
В охапку, сонную, берет.

Примятый снег.
Платок в сугробе.
Остекленевший мутный взор...
В ту ночь они погибли обе,
Зато потешился майор.
А утром,
Только что сверкнули
Зари холодные лучи,
За дело принялись в ауле
Эсэсовские палачи.
Старух прикладами согнали,
Согнали женщин и ребят.
Тревожно крыши запылали,
И стали виселицы в ряд.
Над снежной зыбью ветер свищет,
Плывет удушливая мгла.
Седые тучи.
Пепелище.
Окоченевшие тела...
Но близок час освобожденья
Родной измученной земли.
У Волги выиграв сраженье,
Мы в наступленье перешли.
Враги отходят, и повсюду
Видны их страшные следы:
Камней бесформенные груды,
Зловещих виселиц ряды.
И пепел выжженных предместий,
И труп ребенка на снегу —
Всё требует суда и мести,
Велит нам отомстить врагу!
И если он, к стене прижатый,
Взывая к чувству твоему,
Запросит у тебя пощады, —
Не верь ему!

Не верь ему!
Мы всё запомним: мрак осенний,
Тоску сирот и слезы вдов,
Дороги трудных отступлений,
Руины мертвых городов.
Мы никогда забыть не вправе,
Как, люто злобствуя в ночи,
Готовясь к завтрашней расправе,
Людей пытали палачи.
Они за все свои деянья
Ответ суровый понесут;
Нет на земле им оправданья,
Их ждет народов грозный суд.
Им не спастись и за решеткой,
Они предстанут пред судом,
И приговор его короткий
Мы
В исполненье приведем!

1943

ЗНАЙ, СИРАНУШ!

Как три брата
В путь далекий отправлялись,
На рассвете
С Сирануш они прощались.

Говорили ей они
При расставанье:
— Не дари, сестра, нам
Слезы на прощанье.

Не навеки
Мы с тобою расстаемся,
Победим врагов проклятых
И вернемся.

Будем биться,
Защищая твоё счастье,
Нас не сломят
Ни лишенья, ни ненастья.

Сирануш,
Несокрушима наша сила,
Нам не зря оружие
Родина вручила.

Мы клянемся,
Что насильники и каты
Не укроются
От гнева и расплаты.

В этой битве,
Беспощадной и жестокой,
Мы тебя не позабудем,
Черноокой.

Будь спокойна
И боязни ты не ведай —
В добрый час к тебе вернемся мы
С победой!

1943

В СТАЛЬНОЙ ЗАПАДНЕ

Что за гром, что за топот чугунный?
Что за черные тени в огне?
Это мечутся злобные гунны
В беспощадной стальной западне.

Захлебнулось в крови наступленье,
Нет пути, нет дороги назад.
Покарает за все преступленья
Ненавистных врагов Сталинград.

Всюду смерть: на Дону и на Волге,
Всюду их караулит беда.
И волчатам накажут волки
На восток не ходить никогда!

1943

У СТЕН СТАЛИНГРАДА

На Волге утихло сраженье,
Над пеплом седым — тишина,
Не знавшая пораженья
Здесь армия окружена...

Так вот они, «сверхчеловеки»,
Бессильные в злобе своей!
За ними кровавые реки,
И горе, и слезы людей.

Запомнят фашисты надолго
Рубеж, опаленный войной,
Где била их гневная Волга
Холодной свинцовой волной.

Мы выполним долг наш солдатский,
И враг не уйдет ни один.
От ясной зари сталинградской
Весь в трауре черном Берлин.

На Волге утихло сраженье,
Над пеплом седым — тишина.
Не знавшая пораженья
Здесь армия окружена...

Я знаю — поднимутся к свету
Дома, что пылали в огне,
А песни, о подвиге этом
Уже рождены на земле.

1943

ДВЕ КАТЮШИ

Написано на минах
Уверенной рукой:
«От заводской Катюши —
Катюше боевой».
Одна из них
На фронте
Врага разит огнем,
Другая — шлет ей мины,
Шлет мины день за днем.
Отходит враг поспешно,
От страха чуть живой,
Едва заслышав голос
«Катюши» фронтовой.
Зато бойцы довольны
Работою такой,
Содружеством «Катюши»
И Кати заводской.
У них характер разный,
Но обе хороши.
Спасибо вам, Катюши,
Спасибо от души!

1944

ГРАНИТНЫЙ ОБЕЛИСК

На земле воспоминаний и легенд,
У высокого нагорья Бабугент,
Там, где слышится Черека грозный гул,
Там, где скалы, как почетный караул,

Над ущельями, в орлиной стороне,
Обелиск стоит на самой крутизне.
Он стоит на перепутье всех ветров,
Он гранен руками смелых мастеров.

Кто увидит этот светлый камень, тот
Без волненья от него не отойдет.
В тишине, в воспоминанья погружен,
Может, друга, может, брата вспомнит он.

Вспомнит тех, кто пал за Родину свою,
Защитив ее в отчаянном бою.
Этот чистый, этот солнечный гранит
Прямо в сердце с высоты своей глядит.

Острогранный, он манит меня вдали,
Будто совесть беспокойная земли.
Прихожу к нему я каждую весной,
Весь в сиянье он стоит передо мной.

Спите, братья дорогие! Даль светла.
Люди помнят ваши славные дела.
Спите, братья! Охраняет ваш покой
Вечный камень с пятикрылою звездой.

1957

ПАРТИЯ

Пускай порою ветер лют,
И море скрыто тьмой,
И волны пенные бегут
И бьются за кормой,
Но наш корабль остановить
Не властны мрак и ночь.
В любую даль готов он плыть
И волны превозмочь.
О Партия! Ты капитан,
И путь тебе знаком:
Тебе надежный компас дан
Бессмертным Ильичом.
Ведешь ты твердою рукой
На вечный страх врагам
Корабль Отчизны дорогой
К заветным берегам.
В суровый час,
В минуту бед
За Партией мы шли.
Она зажгла желанный свет
Трудящимся земли.
Товарищ, Партию прославь
И песней, и трудом!
Коммунистическая явь

Все ближе с каждым днем.
И пусть порукою прямой
Невиданных побед
Нам будет росчерк огневой
Космических ракет!

1959

ПЕСНЯ О ЛЕНИНЕ

Подобно утреннему солнцу,
Сиянье ленинских идей
Туман рассеяло извечный
И озарило путь людей.

Мы в сердце бережно и свято
Заветы Ленина храним.
Предела нет дерзаньям нашим,
Свершеньям нашим трудовым.

Неустрашимо, непреклонно
Идем мы ленинским путем,
И дело Ленина бессмертно,
Как память светлая о нем.

1957

ОКТЯБРЬСКАЯ ПЕСНЯ

Страдали в неволе
Родные края,
Томилась в неволе
Отчизна моя.
Но время настало:
Призывно горя,
Взошла над землею
Заря Октября.
Не вечно царить
Непогоде и злу —
Рассветное солнце
Рассеяло мглу.
Решительно сбросил
Восставший народ
Столетние цепи,
Томительный гнет.
Нас Ленин на первые
Подвиги звал,
Нам Ленин дорогу
Вперед указал.
Счастливые люди
Советской страны,
Мы ленинской верой
И правдой сильны.
Республики наши

В семье трудовой,
Как сестры родные,
Дружны меж собой.
В веках оставляя
Немеркнущий след,
Идем мы дорогой
Великих побед.
Тверда наша поступь,
Свободен наш труд,
И страны другие
Пример с нас берут.

1958

ПЕСНЯ О КОМСОМОЛЕ

Лишь тот, кто чист и прям душою,
Лишь тот, кому неведом страх,
Достоин званья комсомольца,
Достоин быть в его рядах.
Он смелых вел на подвиг ратный,
И звал на подвиг трудовой.
В веках бессмертно имя Зои,
В веках бессмертен Кошевой!
По зову Партии родимой
Всегда и всюду первым шел
Бесстрашный воин и строитель —
Орденосный комсомол.
В глухой тайге, в степях Алтая,
От вечных льдов до южных гор
Мы славим молодость народа,
Ее упорство и задор.
Наш Комсомол!
К свершеньям новым,
Весенним солнцем озарен,
Идешь ты верною дорогой
Под сенью ленинских знамен.

1957

ПЕСНЯ О КИРОВЕ

Мы с ним давно знакомы.
Не раз в суровый час
В раскатах гулких грома
Встречал его Кавказ.
Ломая все преграды,
Из боя в новый бой
Бесстрашные отряды
Водил он за собой.
Окончен путь солдата —
Прекрасный, как полет,
Но грозная расплата
Убийц наемных ждет.
Свершится месть святая,
Свершится правый суд!
Врагов с пути сметая,
Бойцы вперед идут.
Декабрь.
Застыли реки.
Все громче голос вьюг...
Прощай, прощай навеки,
Наш старый, верный друг.

1935

РЕСПУБЛИКА МОЯ

Сплотила ты впервые —
Рожденная в бою —
Народы трудовые
В единую семью.

Стремительные реки,
Поемные луга...
Ты каждому навеки
Безмерно дорога.

Отчизна, будь спокойна:
Пусть враг грозить начнет —
Ему отпор достойный
Сумеет дать народ.

Мы степь гудками будим,
Вершим дела страны.
Простым советским людям
Преграды не страшны.

Гордясь мечтой заветной,
Хочу сегодня я
Воспеть твой путь победный,
Республика моя!

Растут твои заводы,
Шумят твои моря.

Ты крепнешь год от года,
Республика моя.

Под небом бирюзовым —
Цветущие края.
Шагай к победам новым,
Республика моя!

1938

КОЛХОЗНАЯ ЖИЗНЬ

Кязиму Мечиеву

О тебе, колхозный труд,
Песни звонкие поют.
Кто работает с душой,
У того и путь большой,
В очаге его — огонь,
И всегда накормлен конь...
Ты повсюду здесь найдешь
Боевую молодежь.
Каждый парень — в полный рост,
А девчата — краше звезд.
Их движения легки,
Им лениться не с руки;
Выйдут с песней на покос —
Радуетя весь колхоз.
Вьется длинный тонкий прут —
Чабаны овец пасут.
Не страшна теперь зима:
Полны наши закрома,
Трудодень у нас богат,
Есть и сыр, и виноград,
Много всякого добра
У колхозного двора.
Любо слышать старикам
Гул работы по утрам.

Смена добрая растет —
Удивительный народ.
Да у нас и старики
На подъем еще легки,
И любой из них не прочь
Молодым порой помочь.
О, как горек был и крут
Подневольный прежний труд...
Будь прославлен навсегда,
Праздник нового труда!

1956

ПЕСНЯ ПАСТУХА

Друзья, трудиться мы должны
Во славу солнечной страны.
Пусть нам примером будет тот,
Кто впереди других идет.

Богатства нашего не счесть:
У нас луга и пашни есть,
Колхозный клуб, и вешний сад
По праву нам принадлежат.

Отары наши велики,
Покосы наши широки.
Взгляни под осень на луга:
Повсюду высятся стога.

Так пусть достаток наш растет
День ото дня, из года в год,
Пусть дружно спорятся дела,
Чтоб ярче Родина цвела.

Любой колхозник в свой черед —
Чабан, косарь иль полевод —
По зову Партии родной
Готов на подвиг трудовой.

1931

В КОЛХОЗЕ

О закатах и восходах
В солнечном краю,
О колхозных скотовах
Песню я пою.
Дым костра плывет к отарам,
Тает в вышине.
Ароматный сыр мы варим,
Шерсть даем стране.
День потух. Пригнали стадо
К базу чабаны.
Веет с гор ночной прохладой,
Ярче серп луны.
Мы живем в колхозе нашем
Дружную семьей.
С каждым днем светлей и краше
Край родимый мой.

1930

ПЕРВОМАЙСКАЯ ПЕСНЯ

Дружно вспаханы поля,
Молодеет вся земля.
Каждый куст и каждый сад
Дарят нежный аромат.
Полны юной красоты,
Распускаются цветы.
Жарки вешние лучи —
Даже камни горячи.
Весь в расцвете щедрых сил,
Майский праздник наступил;
Нету праздника светлей
Для трудящихся людей.
В этот день клянемся мы
Мир беречь от черной тьмы,
Обездоленным помочь
Разорвать густую ночь,
Чтоб свободным стал навек
Угнетенный человек.
Разве словом передашь,
Как прекрасен праздник наш?
Сколько трепетных знамен
Над волной людских колонн,
Сколько песен в этот час,
Сколько радости у нас!
Так сияй из края в край
Праздник дружбы — Первомай!

1958

АРМЕЙСКАЯ ПЕСНЯ

Стоим мы на страже
Советской страны,
И воины наши
Присяге верны.

Припев:

В жестоком и трудном бою
Счастливую долю твою,
Свободу твою отстаять
Клянемся, о Родина-мать.

Увидев солдата
С нагрудным значком,
Гордятся ребята
Отличным стрелком.

Припев.

Храним мы границы
Родимой земли,
Чтоб люди трудиться
Спокойно могли.

Припев.

Кто тронуть посмеет
Наш мирный народ,
Кто бурю посеет, —
Тот бурю пожнет.

Припев:

В жестоком и трудном бою
Счастливую долю твою,
Свободу твою отстоять
Клянемся, о Родина-мать.

1938

БАЛКАРСКАЯ ПОХОДНАЯ

Вперед в простор безбрежный,
Вперед из года в год,
К вершинам Коммунизма
Вперед, вперед, вперед!

Крепим мы, друзья,
В едином строю
И волю свою,
И силу свою.

В колоннах запыленных
Идут богатыри,
И плещет над рядами
Полотнище зари.

Крепим мы, друзья,
В едином строю
И волю свою,
И силу свою.

Прекрасны наши всходы,
И даль всегда светла.
Хлебам не видно края,
Отарам нет числа.

Мы с каждым, друзья,
И часом, и днем
Все краше живем,
Все лучше живем.

Пусть враг и не мечтает
Владеть добром чужим, —
Стремительным ударом
Врага мы сокрушим.

Друзья, отстоять
Сумеем в бою
Отчизну свою,
Свободу свою.

Тому, кто хочет с нами
Идти в далекий путь,
Мы дружескую руку
Готовы протянуть.

Теснее, друзья,
Чтоб дружба была
Тверда, как скала,
Крепка, как скала.

Чтоб женщинам и детям
Не знать былой беды,
Сегодня мы смыкаем
Надежные ряды.

Клянемся, друзья,
Что мир отстоим,
Что детям своим
Страдать не дадим.

Цветет страна родная,
Не старясь никогда.
Зажиточны аулы,
Красивы города.

Повсюду, друзья,
Работа кипит,
Работа кипит,
И песня звенит.

Вперед в простор безбрежный,
Вперед из года в год,

К вершинам Коммунизма
Вперед, вперед, вперед!
Крепим мы, друзья,
В едином строю
И волю свою,
И силу свою.

1955

Я СКУЧАЮ ПО ТЕБЕ

(Письмо на фронт)

Ты в трудном походе,
А я на заводе,
Но вместе мы служим странѣ.
Всегда дорога нам
Отчизна родная,
А ныне дороже вдвойне.

Тебе не легко
В бесконечной разлуке,
В жестоком, смертельном бою,
Но Родине клятва
Дана боевая,
И сдержишь ты клятву свою.

Я помню тебя,
Мой далекий, мой милый,
Я вижу и ночью, и днем,
Как ты неустанно
Все дальше на запад
Идешь, опаленный огнем.

И если признаться
Тебе откровенно,
То боязно мне иногда;

Все мучит тревога:
Здоров ли? И жив ли?
А, может, случилась беда?

Встаю на рассвете,
Гляжу на дорогу,
Тоскуя, волнуясь, любя.
Хороший подарок
Готов почтальону,
Но весточки нет от тебя.

Я счастлива буду,
Когда, долгожданный,
Ко мне ты вернешься опять,
И скажешь, что часто
Меня вспоминал ты,
Да некогда было писать.

1942

НЕ ГРУСТИ, РОДНАЯ

(Ответ с фронта)

Прорезав, как молнии,
Сизые тучи,
В крошечной дымящейся мгле
Тяжелые бомбы
С высокого неба
Со свистом несутся к земле.

И плотные комья
Взлетают над нами,
А небо грохочет опять;
Трещат пулеметы,
И рвутся снаряды,
И голову трудно поднять.

Но пусть, не смолкая,
Гремят батареи,
И виснет удушливый дым —
Мы выдержим.
Мы ничего не забудем,
За все мы врагу отомстим.

Сегодня в разгаре
Страда боевая,
Дороги у нас далеки.

Победно и грозно
Под знаменем красным
Идут в наступленье полки.

Святую присягу
Принес я Отчизне,
И ей изменить не могу.
Пока я сражаюсь,
Всегда и повсюду
Безжалостным буду к врагу.

Поверь мне, родная,
Не надо бояться,
Мы выстоим в этой борьбе.
Живой и здоровый,
Весной на рассвете
С победой вернусь я к тебе.

1942

НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ

Над Амуром-рекой,
Над рекой Уссури
На рассвете редеет туман,
И белесая мгла
Уплывает туда,
Где Великий шумит океан.

За высокой травой,
За холмистой грядой
Самураи вдали залегли.
Им хотелось не раз,
Им хотелось давно
До советской дорваться земли,
Чтоб в коротком бою
Нашу силу сломить,
Чтоб дойти до сибирских лесов,
И свободных людей,
Непокорных людей
Превратить в молчаливых рабов.

Потому и кричали
Японцы: «Банзай!»,
Позабыв об уроках былых,
И бряцали оружием
Хвастливо и зло
Генералы надменные их.

Над Амуром-рекой,
Над рекой Усури
Было небо в сплошных облаках.
Самураи стояли
У нашей земли,
На исконных ее рубежах.

И кому-то, наверное,
Снилось уже,
Что Советский Союз побежден,
Что безмолвно склоняется
Дальний Восток
Перед шелком японских знамен.

Но настала пора,
И развеялись сны:
Выполняя наш долг боевой,
Всею мощью своей
На кичливых врагов
Мы обрушились перед зарей.

Мы прицельным огнем,
Ураганным огнем
Все преграды сумели смести,
И квантунская армия
К югу бежит,
Оставляя знамена в пути.

Под осенним дождем
Самураи бегут,
Пыл воинственный сразу утих.
Им хотелось бы нынче
Сидеть по домам
И не трогать соседей своих.

Над Амуром-рекой,
Над рекой Уссури
На рассвете редет туман,
И белесая мгла
Уплывает туда,
Где Великий шумит океан.

1945

ПЕСНЯ ВЛЮБЛЕННЫХ

Юноша:

Мы встречи ждем нетерпеливо,
А свидимся — молчим опять.
Уж если любим мы друг друга,
То это незачем скрывать.

Девушка:

Любовь обманчивая сушит
Сердца, расцветшие весной.
Порой и скрытая улыбка
Милей улыбки показной.

Юноша:

Как мох сухой, тебя завидев,
Мгновенно вспыхиваю я.
Скажи, родная, неужели
Обманчива любовь моя?

Девушка:

Родник журчит неторопливо,
Но не иссякнет в нем вода.
Вот так и любящее сердце
Не остывает никогда.

Юноша:

Сегодня праздник.
До рассвета
Кипит веселая игра,
И мы с тобой сегодня можем
Не расставаться до утра.

Мне хорошо, когда повсюду
Звонит задорный звонкий смех,
Когда ты, чуточку смущаясь,
Со мной танцуешь абизех.

Перешагну я через горы
Навстречу ветру и весне,—
Пусть только пропоют гармони,
Как ты тоскуешь обо мне.

1939

ПИОНЕРСКАЯ ПОХОДНАЯ

Нашей песне пионерской
Рад весенний ветерок,
Мы уходим на рассвете,
Путь наш труден и далек.

Мы должны цветы в долинах
Для гербария найти,
С беспокойным птичьим
царством
Познакомиться в пути.

И когда-нибудь, наверно,
Листик, ломкий и сухой,
Нам напомнит о деревьях,
Что шумели над рекой.

А пока идем мы с песней
По дубравам и лугам,
И доверчиво природа
Поверяет тайны нам.

Мы геологами станем,
Мы проложим новый след,
Мы сюда придем работать
Через много-много лет.

Нашей песне пионерской
Рад весенний ветерок.
Мы уходим на рассвете,
Путь наш труден и далек.

1958

ПЕСНЯ ШКОЛЬНИКОВ

Звенит запев веселый,
И спорятся дела.
Просторны наши школы,
Судьба у нас светла.

Всегда шагает в ногу
Смеющийся народ,
И каждый на подмогу
Товарищу придет.

Гордимся мы отцами —
Героями труда;
Клянемся мы и сами
Быть первыми всегда.

С пути, как луч, прямого
Не вправе мы свернуть —
Ведь ленинское слово
Зовет нас в этот путь!

1959

ЛОДЫРЮ

Лодырь, лодырь, неужели
Ты не понял до сих пор,
Что тебя и в самом деле
Ждут насмешки и позор?
Посмотри на флаг знакомый—
Мы идем, чеканя шаг,
Только лодырю такому
Не доверим красный флаг.
Дело делай
И на месте
Неподвижно не сиди,
Если хочешь с нами вместе
Быть повсюду впереди.

1938

НАШ ПУТЬ

О горький след печали,
Суровый день вчерашний!
Князьям принадлежали
И пастбища, и пашни.
В народе не забыты
Те сумрачные годы,
Когда батрак забитый
Без слов терпел невзгоды.
Тянул он век постылый,
Прикован с детства к плугу,
И солнце не входило
В убогую лачугу.
Покорствовали баям
Послушные аулы,
Зато грядущим раем
Их утешали муллы.
Пришлось бы жить не краше
И новым поколениям,
Когда б на счастье наше
Не дал нам силу Ленин,
Когда бы над простором
Разбуженной России
Не грянули с «Авроры»
Те залпы боевые.
От края и до края,

Свергая гнет столетний,
Свободу обретая,
Мы вышли в бой последний.
В решительный и грозный,
Как приговор народа,
Под небом яркозвездным
Семнадцатого года.
Пусть будет край наш отчий
Цветущим и богатым,
Как стал в семье рабочей
Народ народу братом.
Идем мы неуклонно
К невиданным победам
Дорогой,
Озаренной
Весенним щедрым светом.
И этот свет прекрасный,
Живой и человеческий,
Волнующе и властно
Зовет нас к дружбе вечной!

1957

ЗНАМЯ СОВЕТОВ

Нередко и нынче
Мне прошлое снится...
Тяжелую ляжку
Тянул я едва,
Январский мороз
Опалил мне ресницы,
Солеными были
От слез рукава.

Сгибаясь под ношей,
Я брел по дороге
К пузатому баю
В густеющий мрак —
Всегда молчаливый,
Всегда босоногий,
Голодный и нищий,
Усталый батрак.

Невесело жить,
Проклиная судьбину,
Но гром Октября
Долетел и до скал,
Я встал на рассвете,
Я выпрямил спину,
Я в тесных лачугах
Друзей отыскал.

Мы ран не считали,
Сражаясь с врагами,
И солнце сверкало
На наших штыках,
И отсвет зари —
Кумачовое знамя —
Пронес я в обветренных
Крепких руках.

И вот наступили
Счастливые годы,
Завидною сделалась
Наша судьба:
На нашей земле
Вырастают заводы,
На наших полях
Золотятся хлеба.

Враги навсегда
Опрокинуты нами,
Былые невзгоды
Развеяны в прах.
Ведет нас к победам
Багряное знамя,
И Партию нашу
Мы славим в веках!

1933

ЭФЕНДИ МАХАЙ

Эфенди Махай
По дороге бредет
И палкой стучит суковатой.
— Что сделать могу я, —
Аллах, подскажи! —
Чтоб сгинул колхоз их
проклятый?

Парторга увидит —
С дороги свернет,
А кто-нибудь если и скажет:
— Пора на работу! —
Он сгорбится вдруг
И на спину молча покажет.
Домой возвращается
Хитрый Махай,
Чтоб люди ему не мешали,
И хмурой жене
Изливает в сердцах
Обиды свои и печали.
Колхоз богатеет,
И злится Махай,
И думает он, засыпая:
— Быть может, во сне
Мне поможет аллах,
Которому верил всегда я.

А утром спросонья
Он мечется вновь,
Не в силах противиться
страху,

И руки он моет
Студеной водой,
И молится долго аллаху.
Он шепчет проклятья,
Он падает ниц,
Бессильною злобой объятый:
— Что сделать я должен, —
Аллах, подскажи! —
Чтоб сгинул колхоз их
проклятый?
Он брызжет слюной,
Проклиная колхоз,
Он гибель ему предрекает...
Махай, не старайся:
Твоя болтовня
Уже никого не пугает.

1931

НА ПУТИ К НОВОЙ ЖИЗНИ

Поэма

Глава первая

До колхоза

Так повелось уже веками,
Что люди раннею весной
Шли в одиночку за быками,
Надел запахивая свой.
Мужчины, дети и старухи,
Усталые от маяты...
С тяжелой зимней голодухи
Им подводило животы.
Еще безропотно, без гнева
Они трудились дотемна
И у богатых
Для посева
Просили хоть кабчик * зерна.
Как мотыльков в тени дремучей
Порой казнит паук-палач,
Так с беспощадностью паучьей
Людей опутывал богач,
Долг отрабатывая старый,

* Кабчик — кожаный куль (из сыромятины).

Вернуть не в силах ничего,
Они пасли его отары,
Пахали землю для него.
А он, деньгам не зная счету,
Жил вдалеке и слуг держал,
И только летом на охоту
Сюда, бывало, приезжал...
Теперь порядок тот нелепый
И дня не стали бы терпеть,
Но прежде горцы были слепы,
И трудно было им прозреть.
На то потребовались годы,
Чтоб в свой черед дошло до них,
Что — и лишённые свободы —
Они сильней господ своих.
Тогда, бывшие прокляв муки,
В последний бой,
Примкнув штыки,
Пошли, подав друг другу руки,
Середняки и бедняки.
И щедро вспыхнули зарницы,
И над землею мрак исчез...
Но чтобы к свету приобщиться,
Пока что нужен им ликбез.

Глава вторая

В колхозе

На пастбищах, в лугах зеленых
Трава сочна и молода,
И целый день на горных склонах
Пасутся тучные стада.
Быками прозелень забита,
Они стремительны и злы,

Не зря обходят их сердито
В тяжелой упряжи волю.
Резвятся, прыгают телята,
Их каждый куст к себе манит,
Земля весенняя богата
Следами маленьких копыт.
Дрожит листва и веет ветер,
Но вот заветный час настал —
И, позабыв про все на свете,
Теленок к вымени припал...
Погас скользящий луч заката,
И, ведра на руки надев,
Идут коров доить ребята
И запереть их на ночь в хлев.
В колхозе опытной рукою
Порядок строгий наведен.
Известно каждому,
Какою
Работой будет занят он.
Один выводит трактор в поле,
Где ветры южные поют,
Другой для кухни дров наколет, —
И это тоже нужный труд.
А женщина немолодая
В тени чинаровых ветвей,
Горячий ужин подавая,
Кормить торопится детей.
Легко и весело живет
Розовошкой детворе,
Им в долг зерна не доведется
Просить у бая на дворе.
Хозяйство далеко шагнуло,
И легче стал совместный труд,
И все окрестные аулы
Пример с колхозников берут.

ПАСТУШОНОК МУСА

Серебрится роса,
Ярко травы блестят.
Пастушонок Муса
Собирает телят.

А они — вот беда! —
Непослушны ему,
Разбрелись кто куда
По лесочку всему.

Он их гонит: Биш! Биш!
Ой, крапива как жжет!
Чуть не плачет малыш,
Громко деда зовет.

И сказал ему дед:
— Беднякам нелегко,
Уж таков белый свет. —
И вздохнул глубоко.

— Пусть крапива в пути,
Ты не бойся ее,
Ты за стадом гляди,
Дело помни свое.

Так и жил наш Муса,
Стадо байское пас,
Слезы, словно роса,
Высыхали не раз.

Жизнь в неволе горька,
Беспросветно темна,
Для детей батрака,
Как крапива, она...

Но октябрьской порой
Радость к бедным пришла,
Рухнул гнет вековой,
И развеялась мгла.

1930

ЕЛОЧКА

Одна, как будто в полусне,
Стояла здесь она.
Стояла в зимней тишине,
Красива и стройна.

Ее ничей не видел глаз,
И в солнечный денек
Искрился ярко, как алмаз,
На веточках снежок.

Но как-то маленький Хамит
Ту елочку нашел,
И вот в тиши топор звенит
И подсекает ствол.

И там, где елочка была,
Теперь—примятый снег.
Она качнулась,
Поплыла,
Беря с горы разбег.

Она скользнула под уклон
И мчится все быстрее,
И топора протяжный звон
Разносится над ней...

Ее он к санкам привязал
И веточки пригнул,
И торопливо зашагал
Тропинкою в аул.

И пусть дорога нелегка,
Пусть ветер щеки жжет, —
Хамит в аул издалека
Красавицу везет.

Он тянет санки на подъем —
По тропкам ледяным.
Сверкая нежным серебром,
Плывет она за ним...

Хамит друзей зовет — пора
Нам елку наряжать!
Явилась шумно детвора
Хамиту помогать.

Хоть ростом мал ты, — не беда:
Работа всем нашлась.
Вот над макушкою
Звезда
Лучистая зажглась;

Кто шар повесил, кто — флажок,
Кто птиц, а кто — зверей,
И хлопья ваты, как снежок,
На веточках у ней.

Вся в ярких, радостных огнях
На нас она глядит,
Искрятся бусы на ветвях,
И каждый шар горит.

Вокруг веселый хоровод,
Вокруг счастливый смех.
Приходит добрый дед Мороз
С подарками для всех.

А за окошком ночь темна,
Там снег сухой кружит,
И та тропинка не видна,
Где утром шел Хамит.

1958

САЛИМ И ЕГО МАТЬ

Салиму в глаз соринка
Попала невзначай.
Кричит он:
— Мама, мама,
Скорее выручай!
Он веко трет ладонью,
А вся ладонь в песке.
Горячие слезинки
Стекают по щеке.
Советует Салиму
Испуганная мать:
— Ты должен трижды плюнуть,
Чтоб боль скорей унять.
На землю, не считая,
Он сплюнул много раз,
Но с каждой минутой
Болит сильнее глаз.
Кричит Салим от боли,
Терпенья больше нет.
Метнулась мать к знахарке —
Узнать ее совет.
Все ведомо колдунье,
Лишь денег не жалея;
Она давно привыкла
Обманывать людей.
Салим ее послушал:

Он лечит глаз больной,
Но лечит не лекарством
А собственной слюной.
Не помогла знахарка,
Мулла его не спас,
И вот Салим несчастный
Ослеп на левый глаз.
Мальчишка инвалидом
Остался навсегда.
Был глаз черней агата,
А стал тусклее льда.
Но с этих пор навеки
Запомнит он, видать,
Как темные советы
На веру принимать.
И я, пока не поздно,
Другим сказать хочу:
Гоните прочь знахарок
И верьте лишь врачу.

1934

ОСЕНЬЮ

На деревьях плоды
И крупны, и румяны,
Засветились прощально
Золотые поляны.
Вдаль гонимые ветром,
Паутинки несутся,
За сучок зацепившись,
Одинокие вьются.
Над сквозными лесами,
Над притихшей долиной
Отзвенел торопливо
Грустный крик журавлиный.
Скоро вьюга засвищет
Над осенним раздольем,
Оттого с первым светом
Все колхозники в поле.
Мчат машины к аулу,
Мчат дорогою горной,
А на солнце
Литые
Загораются зерна,
И ребята из школы,
Лишь занятия кончают,
Отправляются в поле
И отцам помогают.

Он лечит глаз больной,
Но лечит не лекарством
А собственной слюной.
Не помогла знахарка,
Мулла его не спас,
И вот Салим несчастный
Ослеп на левый глаз.
Мальчишка инвалидом
Остался навсегда.
Был глаз черней агата,
А стал тусклее льда.
Но с этих пор навеки
Запомнит он, видать,
Как темные советы
На веру принимать.
И я, пока не поздно,
Другим сказать хочу:
Гоните прочь знахарок
И верьте лишь врачу.

1934

ОСЕНЬЮ

На деревьях плоды
И крупны, и румяны,
Засветились прощально
Золотые поляны.
Вдаль гонимые ветром,
Паутинки несутся,
За сучок зацепившись,
Одинокие вьются.
Над сквозными лесами,
Над притихшей долиной
Отзвенел торопливо
Грустный крик журавлиный.
Скоро вьюга засвищет
Над осенним раздольем,
Оттого с первым светом
Все колхозники в поле.
Мчат машины к аулу,
Мчат дорогою горной,
А на солнце
Литые
Загораются зерна.
И ребята из школы,
Лишь занятия кончают,
Отправляются в поле
И отцам помогают.

Им работа на радость,
Им работа — как праздник.
Нет, не зря они носят
На груди своей галстук!

1938

НЕТ СЛЕДСТВИЙ БЕЗ ПРИЧИН...

Нет следствий без причин.
Износится попона —
До крови стерт хребет коня,
Без солнечных лучей
Не жить листве зеленой,
Дымку не виться без огня.
Доверишься коню —
И ты, склонясь над гривой,
Преодолеешь быстрину;
Уцепишься за хвост
Собаки шелудивой —
И вместе с ней пойдешь
Ко дну.

1958

ПРОСЬБА КНИГИ

Кто позавидует моей судьбе?
В недобрый час попала я к тебе.
Сначала, привлеченный новизной,
Ты обращался бережно со мной.
Но, верно, и недели не прошло,
Как я уже вздохнула тяжело.
Меня, как тряпку, замусолил ты,
Чернилами залил мои листы,
И перегнул углы их пополам,
И пятна жирные оставил там.
К чему — скажи мне — это баловство?
Послушайся совета моего, —
Прошу тебя: с сегодняшнего дня
Бумагой чистой оберни меня,
Мои страницы зря не вороши,
Не вкладывай в меня карандаши,
Не досаждай мне кляксами, молю,
И душу не выматывай мою.
За это не останусь я в долгу:
Я стать тебе ученым помогу,
Я светом ярким озарю твой путь
И в сторону не дам тебе свернуть.
В моих страницах тот бесценный клад,
Что для людей дороже всех наград.
Люби меня: ведь даже и слепым

Я помогла — глаза открыла им.
Ста неученых стоит в мире тот,
Кто дружит с книгой, —
Так сказал народ.

1957

БАРАБАН

Барабан веселый я,
Пионеры мне друзья,
И в умелых их руках
Я пою тра-та-та-тах!

Бьют меня — а я пою,
Всюду первый я в строю.
Бьют меня — и четче строй,
Знамя реет надо мной.

Я веселый барабан,
Мне задорный голос дан.
Без меня не шел отряд
Ни в поход, ни на парад.

Барабанщик мой хорош,
Лучше в школе не найдешь.
Подает он всем пример —
Настоящий пионер!

1930

ВЕСНА

Зимой мы вспоминали о весне.
Теперь она приходит к нам на счастье.
Веселый зайчик светится в окне,
И отступают стужа и ненастье.
Немало тут сугробов намело,
Но солнце переплавить их сумеет.
На склонах лед прозрачен, как стекло,
Вокруг земля продрогшая чернеет.
Уже устал и едет на покой
Холодный гость на белобоком муле.
И балдражюз с опущенной клюкой
Бежит за ним под перезвон сосуллек.
Тебя в пути мороз не ущипнет,
Оттаяли тропинки и дороги,
Повсюду гибнет, отступает лед,
Блестят на солнце горные отроги.
В сплошной поток сливаются ручьи,
Бурлит вода, в водоворотах ноет,
И, обезумев, черные грачи
Прочерчивают небо голубое.
В долине распускаются цветы,
И новый свет разносится с востока,
И рушатся хрустальные мосты
Над пенным и стремительным потоком...
Топай проснулся в комнате своей:

В окне ручьи
Поют, смеются звонко.
Спешит Топай с началом вешних дней
Поздравить лупоглазого теленка.
И хоть в лощинах все еще бело,
Но дни длинней,
И столько стало света,
И так на нашей улице тепло,
Что кажется уже настало лето.

1938

КОСАРИ

Поэма

Часть первая

1

Казалось, сев окончен —
И нет иных забот,
Но тот, кто ищет дела,
Всегда его найдет.

Лугам еще не снится
Тревожная страда,
Но загодя приходят
Колхозники сюда.

Спешат они покосы
Очистить от камней,
Убрать сухой валежник
До первых страдных дней.

С безоблачного неба,
Как пламя, горячи,
К долинам протянулись
Отвесные лучи.

Коса с простором дружит,
Подумай про нее:
Найдет коса на камень —
И сбито острие.

Когда же луг очищен,
Когда крупна роса,
По травам с тонким свистом
Летит твоя коса.

Заметь, любое дело,
Которым занят ты,
Имеет свой характер,
Особые черты.

2

Все больше дарит солнце
И света, и тепла.
В ауле закипают
Привычные дела.

Из ясеня и клена
Срубили ручки кос,
Налаженные грабли
Приходит колхоз.

Готов отбой железный,
В порядке топоры,
И вилы, как трезубцы,
Безжалостно остры.

И смуглые ребята,
Укладываясь в срок,
Отделяют кожу,
Готовя обувь впрок.

Хоть каждый делом занят,
Нет-нет да кто-нибудь
Пристанет к бригадире:
— Когда выходим в путь?

Девчата в магазине
Купили в добрый час
И нитки, и иголки,
И мыло про запас.

Омар чабуры сыну
Скроил — а ну, примерь!
А Сыйлыкыз Омару
Ремень строчит теперь.

Уже на летних кошах
Нарублены дрова,
Волнуется под ветром
Высокая трава.

Доложено правленью,
Что все готово тут,
Что косарей колхозных
Луга и коши ждут.

Среди травы духмяной
Ни кочек нет, ни ям.
Прийти на помощь людям
Машина сможет там.

Что ж, юноша-механик
Не тратил даром дней:
Вот конная косилка —
Кто выедет на ней?

Омар ребят считает,
Он, правда, сед и стар,
Но лучше бригадира
Не сыщешь, чем Омар.

Он под свое начало
Принять сегодня рад
И девушек проворных,
И женщин, и ребят.

Пора, пора в дорогу!
Выходит стар и млад,
Выходят все в ауле
На проводы бригад.

На радость уходящим,
Нелегкий славя труд,
Веселые гармони
Торжественно поют.

Блестят крупинки пота,
Как бусинки росы.
В горящий день вливается
Тревожный звон косы.

Вернуться вам с удачей,
Со славою прийти!
Друзья,
До скорой встречи,
Счастливого пути!

3

Гостей своих приветить
Привольный луг готов.
Зажглась на горных склонах
Мозаика цветов.

По травам встречный ветер
Летит, как по волне,
Маячит чемерица,
Как всадник на коне.

Кружит над лепестками
Мохнатая пчела,
Над самою землею
Свистят перепела...

О горный луг!
Навеки
Твой след в моей судьбе.
Не золото ли это? —
Твержу я сам себе.

Не ты ли нам приносишь
Несметные дары:
И ткани шерстяные,
И сочные сыры?

И мне без слов понятно:
Всему тому залог —
Трава, что пряным сеном
В урочный станет срок.

Я скоро вновь увижу
В час утренней зари,
Как клином журавлиным
Заходят косари.

Сошлись бригады вместе,
Звучит задорный смех,
А между тем и дела
Хватает здесь для всех.

Еще раз точат косы,
Чтоб ровной полосой
Трава к ногам ложилась
Под острою косою.

И к людям с добрым словом,
Хмелея от забот,
Спешит парторг усталый,
Из коша в кош идет.

Не занят он речами
И не ведет бесед, —
К одним подходит с шуткой,
Другим дает совет.

А вот и стенгазета, —
Подвинься, кто прочел!
Недаром потрудился
В дороге комсомол.

Уходит ночь.
Светает.
Проснись и посмотри:
К лугам альпийским вышли
Цепочкой косари.

4

Идут косцы спокойной
И ровной чередой,
А впереди бригады
Идет Омар седой.

Не зря его в колхозе
Зовут передовым:
Кто старого обгонит
И кто поспорит с ним?

Известно всем в округе,
Что он который год
Косарь незаменимый
И лучший скотовод.

Вот, резко замахнувшись,
Заносит он косу —
Стоит трава, как прежде,
Не дрогнув на весу.

Так человек сраженный,
Как бы замедлив шаг,
Стоит еще мгновенье,
Убитый,
На ногах.

Но ведомо Омару:
Отступит он едва —
И валится на землю
Сраженная трава.

Ее под самый корень
Умеет срезать он,
И след совсем особый
За ним запечатлен:

Пройди теперь по следу,
Склонившись над землей, —
И ты на ней травинки
Не сыщешь ни одной.

Как будто с козьей шкуры
Соскребывал он пух,
Пока не стала годной
Та шкура на бурдюк.

Готов Омар с охотой
Любого научить,
И как владеть косою,
И как ее точить.

Отличная сноровка,
Большое мастерство.
Следи за ним, бригада,
Пример бери с него.

Равнина попадетя —
Ни ям, ни старых пней, —
И конная косилка
Работает на ней.

А там, где склоны круты, —
Нет проку от коней,
Там трудится с рассвета
Бригада косарей.

Гляди, как шаг за шагом
Идет она вперед,
И каждый
След волнистый
По-своему кладет.

Когда дружна бригада,
Удача будет ей.
— А ну-ка, отстающий,
Работай веселей,

Пока в туманной дымке
Зеленая краса,
Пока под ярким солнцем
Не высохла роса,

Пока еще усталость
Не слишком тяжела,
Пока она до срока
Ладоней не свела.

С улыбкой на уставших
Глядят из-под руки
Привычные к работе
Седые старики.

По-разному ребята
Справляются с косьбой:
Один плечист и крепок,
Но слаб и мал другой.

Один уже жениться
Спешит без дальних слов,
Другой еще за волка
Лису принять готов.

Но даже и такому
Сегодня ни на пядь
Не хочется в работе
От взрослого отстать.

Далеко растянулась
Цепочка косарей.
Омар гордиться может
Бригадою своей.

Идут навстречу полдню,
Идут — за рядом ряд,
Отточенные косы,
Как молнии, горят.

Почти неуловимый,
Мгновенный росчерк рук —
И стебель пустотелый
Выстреливает вдруг.

А сделай шаг в сторонку —
И чуть не из-под ног
Метнется перепелка,
Как легкий ветерок.

И все же я при этом
Вперед сказать хочу:
Не всякому такая
Работа по плечу.

В зенит выходит солнце,
От зноя мочи нет.
Бригада утомилась —
Пора и на обед.

5

Большой отлогий камень
Людей от солнца спас.
Орел, раскинув крылья,
Садился тут не раз.

О, если бы и ветер
Пронесся над землей,
Чтоб стебли засвистели
И спал тяжелый зной!

Промчится незаметно
И этот страдный день.
Щербатый мшистый камень
Отбрасывает тень.

Порадуй нас обедом,
Задай бригаде пир,
Искусный, добрый повар,
Дружок Аубекир.

От нежного бульона
Прибудет красоты,
От мяса — здоровее
И крепче будешь ты.

А тем, кто пить захочет,
Чья жажда велика,
Налей, колхозный повар,
Айран из бурдюка!..

Поели,
Отдохнули
И, переждав жару,
Затеяли неспешно
Старинную игру.

Хоть трудно приниматься
За трапезу опять,
Да нужно Мухажиру
Лопатку обглодать.

Как старая гадалка,
Подняв ее на свет,
Он ищет на вопросы
Двусмысленный ответ*.

* А из берцовой кости
(Как ствол она тупа)

* В старину балкарцы использовали баранью лопаточную кость для своеобразного гаданья, предсказывая по ней будущее. Здесь — шутка.

У Нуха получилась
Прекрасная сыппá *.

Он к Таусо подходит:
— Тебе сыппá, возьми, —
Но тот отдернул руку,
Как будто от змеи.

Вот в круг сыппá попала,
И в тот же самый миг
Ребята разбежались,
Подняв веселый крик.

Краснея от смущенья,
Смеются в стороне:
Что значит кость такая,
Понятно им вполне.

— Зачем вы разбежались,
К чему такой испуг?
Сыппá вам пригодится, —
Кричит ребятам Нух.

— Она еще докажет
Могущество свое,
Хотите вы загадку
Послушать про нее?

Но Таусо ответил:
— Ты зря не приставай,
Ты лучше нам загадку
Такую разгадай:

* Из берцовой кости изготавливалась мочеотводная трубка — сыппа для ребенка, уложенного в люльку. Здесь — шутка.

Зовёт к себе
И плачет,
Пока не будет сыт,
И в двух мешках упругих
Еда его лежит.

Вот кто-то догадался —
И вспыхнуло лицо:
— Ох, будь же ты неладен,
Насмешник Таусо!

Так в шутках
До вечерней
Прохлады и росы
Бригада коротает
Свободные часы.

Приехал из аула
Колхозный почтальон.
Нет гостя на покосе
Желаннее, чем он.

Уселись люди рядом,
Дневной спадает жар.
Столичную газету
Читает Жагафар.

Узнаёт любопытный,
Внимательный народ,
Как, темпы набирая,
Строительство идет,

Кто трудится со славой
И не жалеет сил,
Какой колхоз сегодня
Других опередил.

О том, как близкой явью
Становятся мечты,
Рассказывают людям
Газетные листы.

Зажег закат багряный
Вечернюю росу.
Омар, поднявшись,
Первым
Берется за косу.

За ним встают другие,
Беседа замерла,
И, значит, принимайся
Ребята за дела.

Густа трава на склоне,
Тот склон высок и крут,
И вновь косцы, как утром,
Цепочкою идут.

Падет трава беззвучно,
Нигде не скрыться ей —
Ни под сухой корягой,
Ни возле мшистых пней.

Сгустились тени в балках,
Чинары шелестят.
В траве, не умолкая,
Кузнечики звенят.

Удвоила усилъя
Бригада косарей, —
Ведь с каждой минутой
Становится темней.

В такую пору,
Только
Тускнеть начнет роса,
Выходит на добычу
Пушистая лиса.

Пройдет еще мгновенье —
И в небе, как всегда,
Затеплится ночная
Зеленая звезда.

И все вокруг ликует,
И даже тишина
Исполнена значенья,
Звучания полна.

...Нелегкое задание,
А выполнено в срок.
Пускай остудит лица
Прохладный ветерок.

Усталую бригаду
Встречай, просторный кош! *
...Нырнул со звоном в кадку
К воде прозрачной
Квш.

Часть вторая

1

Командует на кухне,
Как истый бригадир,
Лихой —
И нам знакомый —
Джигит Аубекир.

* Кош — помещение для косарей и животноводов.

Он крутит маслобойку,
С лица стирая пот.
Харун печет чуреки,
Рядами их кладет.

Оранжевые блики
В ночную тьму простер
Разложенный у коша
Задумчивый костер.

Горят чинары тихо,
Легко они горят,
Но бросишь в пламя тальник —
И будешь сам не рад.

А поварам забава:
Недаром угольки,
Как девушки, проворны,
Как девушки, легки.

Дурà сидит и дремлет.
Кричит Хусей:
— Дружок!
Невеста прибежала!—
И бросил уголек.

Дурà спросонья, косо
Повел глазами вбок
И вдруг вскочил, увидев
На брюках уголек.

Вскочил и, размахнувшись, —
Он рад принять игру — *

* Народная игра — шутка, заключающаяся в том, что на лени дремлющему у костра пастуху бросают горячий уголек возгласом: «Невеста прибежала!»

Швырнул его обратно
К высокому костру.

Хусей над ним смеется:
— Приданого-то нет!
Невеста убежала —
Бсги за нею вслед!

Дуря, на перебранку
Не тратя даром сил,
Горящее полено
В Хусея запустил.

— Пожара захотели
Иль много лишних дров? —
Кричит Харун, ругая
Обоих поваров.

— Кто будет печь чуреки?
И кинулись опять
Виновные ребята
Харуну помогать.

...В глазах Аубекира
Уже сплошной туман —
Так долго и усердно
Он взбалтывал айран.

На отдых и минуты
Не выкроишь, ей-ей,
Еще ведь надо маслом
Попотчевать людей.

И то ли в помощь делу
Иль музыку любя,
Он песню напевает
Тихонько про себя:

«Долай, долай, поет душа моя,
Поет душа моя.
Придет весна в родимые края,
В родимые края.

Я в бурдюке сбиваю масло в ком,
Сбиваю масло в ком.
Оно полно душистым молоком,
Душистым молоком.

А ну-ка, масло, будь покруче ты,
Еще покруче ты,
Не то бурдюк закину я в кусты,
Закину я в кусты.

Покруче будь — тебе я говорю,
Тебе я говорю,
Не то бурдюк ножом я распорю,
Ножом я распорю.

Покруче становись и пожелтей,
Покруче, пожелтей.
Ты лучшая еда для косарей,
Еда для косарей.

Так ароматен ты, бурдюк тугой,
Ты, мой бурдюк тугой,
Как будто мед растекся под рукой,
Растекся под рукой.

Телят у нас — что зерен в колосках,
Что зерен в колосках.
Коровы — словно кони в табунах,
Как кони в табунах.»

Харун кончает стряпать,
За ним — Аубекир.
Поджаристы чуреки
И масло — как зефир.

Что может быть вкуснее
Вечернею порой,
Чем с маслом ароматным
Чурек румяный твой?

Уже прибито пламя
Шипучего костра.
В бригаде вкусный ужин
Разносят повара.

Их теплая забота
Приятна косарям.
Спасибо за старанье
Хорошим поварам!

Пора и спать ложиться,
Уже не ранний час.
Умолкли разговоры,
Девичий смех угас.

Что ж, времени немного
Осталось до утра.
Кухонную посуду
Убрали повара.

Последними в бригаде
Ложатся спать они,
Прикрыв тихонько двери
И потушив огни.

Деревья в лунном свете,
Как призраки, встают..
Умолк в долине ветер,
Уснул рабочий люд.

Один спокойно дышит,
Прижав ладонь щекой.
Посвистывая носом,
Храпит во сне другой.

Пусть люди отдыхают,
Тревожить их нельзя.
Спокойной, тихой ночи,
Счастливых снов, друзья!

2

На спящие равнины,
На травы и кусты
Глядят ночные звезды
С бездонной высоты.

И Млечный путь исполнен
Особенной красы,
Когда разбит он на две
Блестящих полосы.

Указывает путь нам
К земному царству льда
Горящая в зените
Полярная звезда.

Знакомую фигуру
Я в небе узнаю,
Где звезды встали рядом
И по трое в строю.

А вот к земле далекой
Летит, расправив хвост,
Какая-то беглянка,
Удравшая от звезд.

Царит над сонным миром
Торжественный покой,
И даже резвый ветер
Уснул в листве немой.

Лишь речка тихо плещет,
Пересекая дол,
И где-то за лугами
Кричит ночной орел.

И сумрачное эхо,
Как ветер на волну,
Тревожно набегает
На эту тишину.

Уже светлеет небо
И тает полумгла.
Заря вдали проснулась,
Румяный свет зажгла.

Все радостней и звонче
Задорный птичий гам.
Бригады торопливо
Направились к лугам.

Спешить с уборкой надо;
Все знают:
Впереди
Осеннее ненастье,
Туманы и дожди.

Рассыпалась бригада
И движется вперед,
Как будто длинной цепью
Пехота в бой идет.

Где в рывинах и ямах
Глухие пустыри,
Там высохшее сено
Сгребают косари.

Там кони бесполезны,
Там нужен труд ручной.
Сгущается,
И давит,
И душит тяжкий зной.

Но девушки и парни,
Роняя стебельки,
С навильниками сена
Бегут вперегонки.

А на стогах высоких —
Десяток стариков,
Седых, бронзовокожих,
Похожих на орлов.

На спорую укладку
По-прежнему горазд,
Омар берет навильник
И стелит ровный пласт.

Проходит меньше часа —
И, вяслами повит,
Как колокол огромный,
Готовый стог стоит.

Богатырю такому
Не страшно ничего, —
Пусть ветер хоть былинку
Утащит у него!

Да, есть чему учиться
У наших стариков,
Но ловки и ребята,
И стог у них готов.

Идут они рядами
По лугу широко
И мечут сено в копны
Проворно и легко.

Под ветром налетевшим
У Фатимат платок
Трепещет в ярком свете,
Как белый голубок.

Глаза ее бездонны
И гибок тонкий стан.
Следит за ней украдкой,
Любуется Хасан.

На юношу с улыбкой
Взглянула Фатимат,
И он, почти как дару,
Улыбке этой рад.

О, тут таких немало
В бригаде полевой,
Что смотрят друг на друга
С надеждой и тоской...

Работа не стихает.
Куда ни кинешь взор,
Зелеными стогами
Расписан косогор.

Стоят они, как стража,
Дорогу перекрыв.
Но время для обеда
Устроить перерыв.

4

На группы разделившись,
В недолгий этот час
Бригада отдыхает,
В тени расположась.

Под деревом ветвистым
Гармонь запела вдруг,
И вторят ей ребята,
Усевшись в тесный круг.

А вот и дымокуры,
От девушек вдали,
Кисеты развязали,
Беседу завели.

Но только затянулись,
А их уже зовут:
Аубекир с обедом
Явился —
Тут как тут.

Меню, что в ресторане —
Гляди во все глаза:

Айран, и суп, и мясо,
И пенная буза*.

Ешь все без перебора,
Пока горяч обед,
Но смешивать с айраном
Бузу не стоит, нет!

Омар к ней потянулся,
И Нух, и Мухажир,
За ними приложился
К бузе Аубекир.

Кто старше и сильнее,
Тому — скажу при всех —
Бузу перед работой
Попробовать не грех.

Не так, чтоб часом позже
Уже не встать с земли,
А так, чтоб веселее
Дела у них пошли.

Зато для слабых женщин
И молодых ребят
Один глоток айрана
Полезней во сто крат.

5

Придумано не нами
И сказано до нас,
Что делу, дескать, время,
Потехе — только час.

* Б у з а — напиток, вид браги.

Об этом памятуя,
Торопится скорей
Приняться за работу
Бригада косарей.

Пусть сена будет столько,
Чтобы иной скирде
Нетронутой остаться
И к будущей страде.

Работа душу любит
И подлинный размах.
Мелькают грабли,
Вилы
В натруженных руках.

Одни сгребают сено,
Чтоб копны встали в срок.
Другие дружно копны
Укладывают в стог.

Под ношею сгибаясь
Почти что пополам,
Плечистые ребята
Гуськом идут к стогам,

Ни разу не меняя
Под тяжестью руки,
И липнут к влажной шее
Сухие стебельки.

Шаги у них широки,
Весомы и тверды;
Как меты, остаются
Глубокие следы.

Стоит Омар на стоге,
Палят его лучи.
Летят к нему копешки
Как темные грачи.

Рывком берет он сено,
Торопит он ребят,
И весело при этом
Глаза его горят.

А вот с другого стога
Свалился Мухажир;
Для шутников потеха,
И радость — для задир.

Они еще и Нуха
Хотели бы стащить:
Работать, так работать,
Шутить, так уж шутить.

Но нет, пустое дело!
Как гвоздь, что в доску вбит,
Нух на вершине стога
Уверенно стоит.

И сено принимает
Спокойно с высоты,
Где складывают крылья
Упавшие пласты.

Все выше стог покатый,
Все круче под ногой..
Никто сказать не может,
Что нынче день плохой.

Чудесная бригада —
 Обгонит хоть кого!
 Но есть у нас и лодырь —
 Смотрите на него.

И руки, как из ваты,
 И рот полуоткрыт.
 В ответ на вашу шутку
 Он глухо заворчит.

Разболтанной походкой
 Обходит он лужок,
 Как будто на прогулку
 Позвал его
 Дружок.

И так невозмутимо
 Стоит он меж копен,
 Как будто важной думой
 Он властно увлечен.

К столу его попросишь —
 Он будет есть, как волк,
 А дашь работу — скажет:
 — Какой в работе толк?

Зато язык лентяя
 Здесь каждому знаком.
 Захочет он — и камень
 Расколется языком.

Быть может, стоит имя
 Назвать к его стыду,
 Но я еще немного,
 Пожалуй, подожду.

Авось, пример возьмет он
С ровесников своих
И, лень преодолевая,
Догнать сумеет их.

7

К отрогам дальним солнце
Спешит к исходу дня,
Как будто пересело
На доброго коня.

И каждая минута
Особо дорога,
Пока не будет сено
Уложено в стога.

Лицо у Шохайба
Тревожно и темно:
— Суставы разболелись,
К дождю, видать, оно...

Слепни с налету жалят
Больней перед грозой,
И ласточки мелькают
Над самую землей.

И, ввысь уйдя, где взору
Земной простор открыт,
Орел, раскинув крылья,
Взволнованно парит.

Как будто тоже хочет
Людей предупредить,
Что портится погода
И надо уходить.

Над вьющимися в гору
Прожилками дорог
Плывет большая туча
В жайлык «Олений Рог» *.

Чаты-башы под нею,
Под нею Таракла,
Она струистый ливень
К Чегему принесла.

Омар, заметив тучу,
С нее не сводит глаз:
— Быстрее! Еще немного —
И дождь настигнет нас.

Прохладней и темнее
Становится вокруг.
Работает бригада
Не покладая рук.

Ведь стог не ввинчен в землю.
Канатом не прошит;
Что будет, если ветер
Его разворошит?

Осядет он и рухнет,
Как из бумаги дом,
И собранное сено
Размокнет под дождем.

И, стало быть, покуда
Не начал дождь хлестать,

* Жайлык «Олений Рог», Чаты-башы, Таракла — названия местности.

Готовь тугие вясла,
Секунды зря не трать.

Вблизи,
В долине низкой,
Болотных много трав.
Назад бегут девчата,
Бегут, травы набрав.

Берется вся бригада
За дело горячо.
Закрученные вясла
Ложатся на плечо.

Теперь к стогам, ребята,
Надежней их крепи,
Чтоб стог стоял на месте,
Как будто на цепи.

К тугим и длинным вяслам
Привешен дерн сырой,
Не сладит с ним и буря
Осеннею порой.

Рукой его не свалишь
И ветром не собьешь.
...Знакомой узкой тропкой
Идет бригада в кош.

8

Трава перед грозой
Колышется едва,
И замерла густая,
Тяжелая листва.

Вот молния сверкнула,
И птичий гам умолк,
Лишь небо разорвалось,
Как рвется тонкий шелк.

И тут же грянул следом,
Ударил над бугром
Раскатистый и гулкий,
Почти железный гром.

И, молнией слепящей
Зажженный за рекой,
Мгновенно задымился
Печальный сухостой.

Сначала робкий дождик
Прошел наискосок
И вдруг отвесно хлынул,
Бескраен и высок.

Хотя вода и люди
Друг другу не враги,
А все-таки бригада
Прибавила шаги.

Сгибаются чинары
На яростном ветру,
А дождь, видать, затеял
Недобрую игру.

И, делаясь все шире,
Шумя в вечерней мгле,
Белесые потоки
Несутся на земле.

Замешкайся бригада —
И жди большой беды:
Пропали бы впустую
Двухдневные труды.

9

Всю ночь бродяга-ветер
Шумел в кустах сырых,
И только на рассвете
Дождь нехотя утих.

Не слышно звона капель,
Листву не треплет дождь,
Но, бурки не накинув,
Из коша не уйдешь.

Кто вырос в горном крае
И нрав его постиг,
Не слишком на погоду
Надеяться привык.

Яснеет понемногу
Разбуженный простор.
Плывут седые тучи
К вершинам острых гор.

И там, на перевалах,
Как будто на привал
Они, подстать отарам,
Ложатся возле скал.

И видно им оттуда:
Сверкая, как хрусталь,
Холодные потоки
Бушуя, мчатся вдаль.

Они уносят камни
Туда, где спит гул;
В ущельях и теснинах
Стоит немолчный гул...

Вот ласковое солнце
Выходит из-за гор,
И сразу оживает
Лугов сплошной ковер.

А маленькая тучка
Так вспыхнула вдали,
Как будто эту тучку
Внезапно подожгли.

Едва успел с покоса
Омар вернуться в кош,
К нему, полна тревоги,
Метнулась молодежь.

Чтоб луг с утра проверить,
Не пожалел он ног...
— Не бойтесь, все в порядке,
На месте каждый стог!

10

Стога стоят рядами,
Как сказочная рать.
Убрали сено — нужно
Его заскирдовать.

И Нух, парторг бригады,
Торопится опять
По телефону сводку
В правление передать.

На совесть поработал
Старательный народ.
Теперь собрание в коше
Итоги подведет.

Бригаду на две группы
Придется разделить:
Одной — остаться в коше,
Другой — в аул спешить.

Омар, конечно, с теми,
Кто остается тут;
Они по праву старшим
Омара изберут.

В колхозе ждут подмоги:
Там силос не готов,
А он еще немалых
Потребует трудов.

И Нух на всякий случай
В бумажку заглянул,
Прочел, кому остаться,
Кому идти в аул.

Пусть каждый точно знает,
Как знал солдат в бою,
Ближайшую задачу —
Чужую и свою.

Подтягивать в работе
Не надо никого:
Один за всех в ответе
И все за одного.

Собрание обсудило
Подробный план работ.
Теперь Омару слово,
Теперь его черед.

Старик, с улыбкой глядя
Из-под седых бровей,
Сначала поздравляет
С успехом косарей.

Потом, усы разгладив,
Приняв достойный вид,
Он, к Нуху обращаясь,
Негромко говорит:

— Опять соревноваться
Ты людям предложил?
Ну что ж, тогда держитесь
И не жалеите сил.

В ауле будет дело
Нелегкое сейчас.
Готовьте добрый силос
И помните про нас.

Скажу еще, что трактор
Поможет вам, как друг,
А трактор, между прочим,
Сильней, чем сотни рук.

И есть силосорезка —
Машина хоть куда.
Мы этого не знали
В минувшие года.

Старайтесь же покрепче
И помните, друзья,
Что с техникой такою
Отстать никак нельзя.

А впрочем, мы не будем
Загадывать вперед.
Когда настанет время —
Рассудит нас народ.

Вы — с трактором,
Но только
И нам не привыкать
Косить траву густую
И сено скирдовать!

И шумно одобряет
Слова такие кош:
— Омар сказал как надо!
— Совет его хорош!

— Давай соревноваться,
На пользу выйдет спор!
И вот по строгой форме
Составлен договор.

11

Уже готовы люди
К далекому пути,
Осталось только танец
Победы провести.

Того хотят сегодня —
Разлуке вопреки —
И девушки, и парни,
И даже старики.

Вот-вот начнется танец,
Задорный перепляс.
И радостно, и грустно
Хасану в этот час.

Всегда и всюду рядом
Он видит с давних пор
Знакомую улыбку
И чуть смущенный взор.

Мерещится Хасану,
Что Фатимат тайком
Слагает в сердце песню
И песня та — о нем.

Невесело Хасану,
И чем он виноват?
С подругами сегодня
Уедет Фатимат.

Поет, не утихая,
Веселая гармонь,
Немее от ударов
Пунцовая ладонь.

Горячая лезгинка
Обрадовала всех,
Но самый лучший танец —
Так это абизех.

Пока его танцуешь,
Старинный танец наш,
Ты девушке спокойно
Записку передашь.

А если приготовить
Записку нелегко,
Тогда ты все успеешь
Шепнуть ей на ушко.

Лезгинку или кафу
Плясать совсем не грех,
Но танец для влюбленных —
Так это абизех.

Его танцуют плавно,
Выстраиваясь в ряд;
Пройдут немного кругом,
Немного постоят.

Сейчас начнется кафа,
И вот Омар седой
Тряхнуть решился тоже
Далекой стариной.

И Сырмахан выходит;
Хоть и стара она,
Но юного задора
По-прежнему полна.

Плывет она степенно,
Не просто как-нибудь —
Где надо, пред Омаром
Склоняется чуть-чуть.

Да и Омар, признаться,
Хоть ноги уж не те,
В привычном этом танце —
На должной высоте.

Почтенной сединою
С годами убелен,
Не спляшет он вприсядку,
«Асса!» — не крикнет он.

Но на носках так твердо
Держаться он привык,
Как будто в самом деле
Он вовсе не старик.

12

Не сладко расставаться,
Но в путь давно пора.
А сколько пожеланий:
И счастья,
И добра,

И славно поработать,
И свидеться опять, —
Все то, что только можно
Друзьям своим желать.

Смущенных и влюбленных
Торопят старики,
Последние приветы,
Последний взмах руки.

Набитый до отказа,
Рванулся грузовик,
И пыльная завеса
Исчезла через миг.

Стоит Хасан, сжимая
Нежданный дар в руке.
Платок он держит белый,
А что на том платке?

Концы его трепещут
Под нежным ветерком;
Слова старинной песни
Начертаны на нем:

«Лавла, лавла, милый друг, прощай!
Село солнце. Спит родимый край.
Замуж я за мертвого не выйду —
Ты меня живому не отдай».

Часть третья

1

Под долгими дождями
В недвижности немой
Осядут, почернеют
Стога перед зимой.

Потом трава пробьется,
Легко расти траве,
А место под стогами,
Как шрам на голове.

Пропитанные влагой,
Они к весне сгниют,
И мыши полевые
Отыщут здесь приют.

На выброс это сено
Людьми обречено,
Коль в скирды постепенно
Не сложено оно.

О, как вы пожелтели,
Знакомые стога,
С какою хмурой грустью
Глядите на луга!

Быть может, в сизой дымке
Вам кажется сейчас,
Что люди вас забыли,
Навек ушли от вас.

Но прежде чем вернуться
На прежние места,
Они должны устроить
Загоны для скота.

И вот сарай просторный
Возводится вдали.
Ольховые стропила
Поверх его легли.

Ольху строгать нетрудно:
Стволы ее легки, —
Для топора — как сало,
Как масло — для руки.

Последний гвоздь под балку
Вколочен наконец.
Широкие загоны
Готовы для овец.

Теперь без лишней спешки,
Но с графиком в ладу,
Начнет звено Омара
Стога свозить в скирду.

Тернистый путь утюжа,
Угрюмо-тяжелы,
С рассвета тянут сено
Двужильные волю.

Где стог стоял высокий,
Красив и величав,
Лежат теперь, желтея,
Пучки сплетенных трав.

Лежат они повсюду
Осеннею порой,
Как скрученная пряжа,
Прибитая землей.

Едва заслышав крики
И дальний стук подков,
Испуганные мыши
Бегут из-под стогов.

Да, плох такой хозяин
Иль попросту ленив,
Что сено оставляет,
В скирду не уложив.

Поднявши хворостинки
Взамен тугих плетей,
Ребята погоняют
Волов и лошадей.

Траву прямую давят
Возы, как жернова,
Но снова оживает
Примятая трава.

Работа непростая
Выравнивать скирду,
Но старому Омару
Не привыкать к труду.

Быть может, в сизой дымке
Вам кажется сейчас,
Что люди вас забыли,
Навек ушли от вас.

Но прежде чем вернуться
На прежние места,
Они должны устроить
Загоны для скота.

И вот сарай просторный
Возводится вдали.
Ольховые стропила
Поверх его легли.

Ольху строгать нетрудно:
Стволы ее легки, —
Для топора — как сало,
Как масло — для руки.

Последний гвоздь под балку
Вколочен наконец.
Широкие загоны
Готовы для овец.

Теперь без лишней спешки,
Но с графиком в ладу,
Начнет звено Омара
Стога свозить в скирду.

Тернистый путь утюжа,
Угрюмо-тяжелы,
С рассвета тянут сено
Двужильные волю.

Где стог стоял высокий,
Красив и величав,
Лежат теперь, желтея,
Пучки сплетенных трав.

Лежат они повсюду
Осеннею порой,
Как скрученная пряжа,
Прибитая землей.

Едва заслышав крики
И дальний стук подков,
Испуганные мыши
Бегут из-под стогов.

Да, плох такой хозяин
Иль попросту ленив,
Что сено оставляет,
В скирду не уложив.

Поднявши хворостинки
Взамен тугих плетей,
Ребята погоняют
Волов и лошадей.

Траву прямую дают
Возы, как жернова,
Но снова оживает
Примятая трава.

Работа непростая
Выравнивать скирду,
Но старому Омару
Не привыкать к труду.

Из камня даже шило
Сумеет сделать он.
Хасан не столь искусен,
Но ловок и силен.

Одни подносят сено,
Другие на ходу,
Легко поддев на вилы,
Кладут его в скирду.

Хасан берет навильник
И тут же в свой черед
Огромный сноп Омару
Он снизу подает.

И я опять, читатель,
Прошу иметь в виду:
Не всякий сможет сено
Укладывать в скирду.

Тут просто голой силой
Не сделать ничего,
Тут надобно уменье,
Большое мастерство.

Но вот готовы скирды,
Как братья, стали в ряд,
И крученные вясла
Надежно их крепят.

Оградой деревянной
Скирды окружены
И хворостом кленовым
Укрыты до зимы.

Теперь от летних пастбищ
Потянутся сюда
На долгое зимовье
Колхозные стада.

Уже студёный ветер
Кусты к земле пригнул.
Звено Омара может
Вернуться в свой аул.

2

Омар, приподнимаясь,
Глядит в который раз:
Аул за поворотом
Покажется сейчас.

Раскачиваясь тряско,
Отсюда напрямик
Дорогой каменистой
Домчит их грузовик.

Улыбки женщин,
Крики
Восторженных ребят...
Работники правленья
Навстречу им спешат.

И те, что с ними в коше
Прощались на лугу,
Бегут сюда и что-то
Кричат им на бегу.

Вокруг давно стемнело —
Короче стали дни.
Зажглись в домах колхозных
Вечерние огни.

Как кровь по теплым жилам,
Из дальних далей к нам
Стремится ток незримый
По тонким проводам.

И хоть при свете этом
Приятно постоять,
Однако все устали,
И людям надо спать...

Багряные знамена
Пылают, как заря.
Нет праздника дороже,
Чем праздник Октября.

Хозяйство на подъеме,
На правильном пути.
Колхозники собрались
Итоги подвести,

Решить, как год был прожит
И чем он был богат,
И кто на первом месте,
Какая из бригад?

Немало было споров,
И шуток, и речей,
Но лучшими из лучших
Признали косарей.

Старательно и дружно
Работали они,
Укладываясь точно
В отведенные дни.

И сена ими столько
В скирдах припасено,
Что год пройдет — и все же
Останется оно.

И силосом, и сеном
Богат теперь колхоз.
Попробуй скотоводам
Задать такой вопрос:

— Откуда шерсть, и кожа,
И щедрый стол в домах? —
Они тебе ответят,
Что главное — в кормах.

А так ли это было
В далекие года?..
Ходила по аулам
Костлявая нужда.

Я помню злое время,
Когда сгущался мрак.
Просил у бая сено
Измученный батрак.

Потом корова пала,
И тлел очаг, дымя,
И плакала ночами
Голодная семья...

Былое не вернется,
Оно ушло навек.
И счастлив, и свободен
Советский человек.

Сегодня до предела
 Просторный клуб набит.
 Колхозный председатель
 О лучших говорит.

О мастерах достойных,
 Отличниках труда,
 Которые стремятся
 Быть первыми всегда.

Кто скромн и отзывчив,
 В работе не ленив,
 Таким по праву может
 Гордиться коллектив.

Как принято в колхозе,
 За образцовый труд
 Ударникам
 На сцене
 Награды раздают.

И деньги ли вручают,
 Отрез ли на пальто,
 Но только не обижен
 Подарками никто.

И гулко рукоплещет
 Большой нарядный зал.
 Награду принимая,
 Омар друзьям сказал:

— Спасибо нашей власти
 И Партии родной!
 Мы все в долгу пред нею,
 В долгу перед страной.

И каждый обещает
Работать с огоньком,
Чтоб шел колхоз и дальше
В ряду передовом.

Теперь вопрос последний,
Вопрос по существу:
Избранье делегатов
На выставку
В Москву.

Доверием народным
За труд награждены,
Поедут хлеборобы,
Поедут чабаны.

Омар в Москву поедет,
Хоть он и не чабан,
И Фатимат с Хасаном,
И Нух, и Сырмахан.

Все, чем держава наша
Богата и горда,
На выставке столичной
Представлено всегда.

...Проходят незаметно,
Бегут за днями дни.
Вернулись делегаты,
И счастливы они.

Не зря их посылали,
А ну-ка погляди:
Медали золотые
Сверкают на груди.

Про все, чему учились,
Что видели вдали,
Народу рассказали,
И опыт тот учили.

4

Достигнет цели
Всякий,
Кто смело к ней идет.
Спешит во двор Хасана
Смеющийся народ.

Всю ночь и на рассвете
Веселье здесь кипит.
Кто к пляске равнодушен,
Тот просто не джигит.

Пусть каждый будет нынче
Большому тою рад,
Пусть девушки танцуют
На свадьбе Фатимат.

Кепчи*, надвинув маску,
Выходит наперед
И войлочною плеткой
Ребят по спинам бьет.

Потешный и нескладный,
Он по двору прошел,
Мотая бороною
И бляя, как козел.

* Кепчи — народный шут.

А в комнате нарядной
Запели старики,
И в песне той не слышно
Ни боли, ни тоски.

Погасли в небе звезды,
Над миром рассвело.
Заря
Молодоженов
Приветствует тепло.

Да будет им удача,
Да минет их беда!
Ни грусти, ни разлуки
Не знать им никогда!

Пора и мне прощаться
С четою молодой,
Не то еще заметит
Читатель строгий мой,

Что автор многословен,
В подробностях увяз
И вовремя не может
Окончить свой рассказ.

1957—1958

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	3
Ленин и горы. (Поэма)	7
Моя страна	12
Нальчик	14
Русские березки	17
Первомай	18
+ Весна в горах	20
+ Будет даль прозрачна и тиха	23
+ Горная река	24
После дождя	26
Шумят леса	27
Неспроста...	28
Яблонька	30
Дымок над аулом	31
+ Могучий дуб	33
Стар джигит...	34
Горянка	35
Никуда не уходи	38
Голубоглазой	40
+ Ландыш и черемша	41
В дни XXI съезда партии	43
Москва	44
Поэту	46
Идем мы сквозь бури и грозы	48
Когда судят Манолиса...	49
Четыре века	51
Надпись на скале	53
Ясное утро	55

	Пушкин	57
	Марко Вовчок	60
+	Кязиму	63
	Рахсму другу Аткаю	64
+	Мосму учителю Шахмурзаеву	65
	Первый день	66
	Комсомольская правда	70
	Я помню	71
	Новогоднее пожелание	72
	Чтоб весной зеленели поля	74
	Вставай народ!	75
+	После боя	77
	Нет пощады	78
	Знай, Сирагуш!	81
	В стальной западне	83
+	У стен Сталинграда	84
+	Две Катюши	86
	Гранитный обелиск	87
	Партия	89
	Песня о Ленине	91
	Октябрьская песня	92
	Песня о комсомоле	94
	Песня о Кирове	95
	Республика моя	96
	Колхозная жизнь	98
	Песня пастуха	100
	В колхозе	101
	Пергомайская песня	102
	Армейская песня	103
	Балкарская походная	105
+	Я скучаю по тебе	108
	Не грусти, родная	110
	На Дальнем Востоке	112
+	Песня влюбленных	115
	Пионерская походная	117
	Песня школьников	119
	Лодырю	120
	Наш путь	121
	Знамя Советов	123
	Эфенди Магай	125
	На пути к новой жизни (Поэма)	127
	Пастушонок Муса	132
	Елочка	134
	Салим и его мать	137

Осенью	139
Нет следствий без причин...	141
Просьба книги	142
Барaban	144
Весна	145
Косари. (Поэма)	147

Берт Измайлович Гуртуев

СВЕТЛЫЕ ДАЛИ

Редактор *В. Г. Кузьмин*
Художник *П. Г. Пономаренко*
Худ. редактор *И. Г. Абрамов*
Техн. редактор *С. С. Кумукова*
Корректор *Е. Е. Терушкина*

Сдано в набор 21/V 1960 г. Подписано к печати 16/VI 1960 г.

Бумага 70×108 1/32. Физ. печ. л. 6,25 + вкл. 0,06.

Усл. печ. л. 8,56 + вкл. 0,08. Уч.-изд. л. 6,3 + вкл. 0,03.

Тираж 2000 экз. Заказ № 2060. Ч00877.

Кабардино-Балкарское книжное издательство
Нальчик, Театральная, 6

Типография им. Революции 1905 года
Министерства культуры КБАССР
Нальчик, Театральная 6.

Цена в переплете 5 руб. 15 коп.

Цена в переплете 52 коп.